

№10

Октябрь 2023

РУССКИЙ КЛУБ

95

თავმოყვარეობა

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№10 (216)
Октябрь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ПАСТЕРНАК
ЛАНА ГОГОБЕРИДЗЕ
- 6 «ПЫЛЬ С КРЫЛЬЕВ БАБОЧКИ»:
ВЫСТАВКА «РЕЗО ГАБРИАДЗЕ В ПЕТЕРБУРГЕ»
МАРИНА ДМИТРЕВСКАЯ
- 8 СЛУЧАЙ И СУДЬБА. РЕЗО И АНДРЕЙ...
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 12 ДУША МОЯ ЛИКОВАЛА...
ВАЛЕРИЙ ХАРЮТЧЕНКО
- 16 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 22 АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ: «НИЧЕГО НЕ БОЙТЕСЬ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 26 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ТАК ОТСТОЯЛИ КАВКАЗ
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 34 БЕСЕДА У МОЛЬБЕРТА
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 38 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 42 РУССКАЯ ГЛУБИНКА В ГОРАХ ГРУЗИИ
АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА
- 46 ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 49 СПОРТИВНАЯ ДИНАСТИЯ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 51 БЕДИ. ВЕРШИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ СУДЬБЫ
ЕЛЕН ДОРИС
- 53 ПУТЕШЕСТВОВАТЬ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

На обложке – КИНОРЕЖИССЕР ЛАНА ГОГОБЕРИДЗЕ

ПАСТЕРНАК

ИЗ КНИГИ
«ЧТО ВСПОМИНАЕТСЯ И КАК ВСПОМИНАЕТСЯ»

■ Лана ГОГОБЕРИДЗЕ

Перевод Н. Шадури-Зардалишвили

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси...

Борис Пастернак

В 1957 году, без согласия советских властей, в Италии был опубликован роман Пастернака «Доктор Живаго». В 1958 году Нобелевский комитет присудил ему Нобелевскую премию. Мне представляется насмешкой судьбы, что мировая литературная общественность заметила гениального поэта только по причине политического скандала, который был вызван публикацией «Доктора Живаго» в Италии.

А скандал и в самом деле вышел грандиозным. Руководитель КГБ тех лет Семичастный заявил: «Свинья... никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал».

27 октября 1958 года на общем собрании Союза писателей Пастернака исключили из Союза. Угрожали и выдворением из Советского Союза. Газеты были полны письмами «простых советских людей», возмущенных продажностью поэта и его бессовестностью. Поэт был вынужден отказаться от премии – беспрецедентный случай в истории

нобелевских премий.

Как раз в то время я находилась в Тбилиси, поскольку снимала свой дипломный фильм «Тбилиси – 1500 лет». Каждый день начинался и заканчивался мыслями о Пастернаке: что еще случится, неужели его и правда выдворят из страны, а, может, арестуют? Со страхом я открывала газету, читала все новые имена тех, кто присоединился к травле Пастернака. Я счастлива, что писатели и общественность Грузии не приняли участия в гонениях на великого поэта, хотя давление сверху было очень сильным. Здесь его по-настоящему и искренне любили. Вспоминаю один давний вечер в Союзе писателей Грузии. Пастернак читал свои переводы грузинских поэтов, зал слушал, затаив дыхание. Поэт стоял на сцене и, по чьему-то образному выражению, был одновременно похож и на араба, и на его лошадь. С огромными темными глазами, большим, четко очерченным ртом, вытянутым сверх меры лицом, вдохновенный и смущенный в одно и то же время, он стоял на сцене и

необыкновенно, с напевностью, присущей ему одному – только сам поэт может так читать свои стихи – читал «Синий цвет». Потом он прочитал несколько своих новых стихотворений...

Я с раннего возраста знала и любила стихи Пастернака. Моя жизнь в Москве была тесно соединена с его строками. Я проходила по улице Алексея Толстого, ощущая густой аромат акации, и в памяти сразу же всплывали какие-либо стихи Пастернака, связанные с этим благоуханием... И вот теперь я сидела в небольшом зале Союза писателей и слушала живого Пастернака, его стихи, сопряженные с Грузией. Впечатление было ошеломляющим.

Грузию любили многие русские поэты, но любовь Пастернака все-таки имела другие корни. Он любил нашу землю, Кавказ, который – «как смятая постель», море, смиренное перед «огромным берегом Кобулет». Любил людей – преданно, самозабвенно, обладая даром погружаться в их жизнь и действительно помогать в трудную минуту (необыкновенным примером этого является пронесенная через всю жизнь дружба с женой и дочерью Тициана Табидзе – Ниной и Нитой Табидзе). Любил грузинский характер с его богатым и животворным восприятием, склонностью к фантазиям, ораторским даром, талантом увлекаться.

Любил Тбилиси, «его любовь» и «его плач», если говорить словами Беллы Ахмадулиной. Любил грузинскую поэзию. Пастернак пишет: «Годы моего первого знакомства с грузинской лирикой составляют особую, светлую и незабываемую страницу моей жизни. Воспоминания о толчках и побуждениях, вызвавших эти переводы, а также подробности обстановки, в которой они производились, слились в целый мир, далекий и драгоценный».

Об этом особенном отношении Пастернака к нашей стране очень точно пишет Андрей Синявский: «Пастернаковские переводы грузинской лирики подкреплены его поездками в Грузию в 1931 и 1936 годах, многолетней дружбой с рядом грузинских поэтов, наконец, той признательной любовью к этому краю, народу и культуре, которой проникнуты многие его оригинальные стихотворения. Их можно назвать «отводком» Грузии в жизни и творчестве Пастернака».

После вечера в Союзе писателей я несколько раз встречала Пастернака в Москве, в доме моей тети. Он звонил, приходил и сразу же коридор коммунальной квартиры и комната Долико пронизывались его совершенно особой вежливостью и внимательностью по отношению, действительно, к каждому человеку. Этими людьми были соседи Долико. Бывшая монахиня, странно согбенная, которая очень боялась, что ее прошлое откроется, но отказываясь от своего подлинного призвания не могла, и по вечерам из ее комнаты, к всеобщему отчаянию, доносились монотонные звуки молитв. Типично советские муж с женой низкого номенклатурного ранга, приземистые и грозные, которые занимали две лучшие комнаты в квартире. Прачка, которая приносила стирку домой и пыталась втайне от всех стирать в общей ванной, из-за чего на нее обрушивался гнев суровой пары. Но Лида все равно не отступалась, тихо, тайком приносила стирку и так же тихо и наскоро стирала, главным образом, по ночам. Мои тетя и дядя не вмешивались в общую суету, они жили в своей комнате, отгороженные книгами

и общественными интересами. Но когда приходил Пастернак... Не знаю, где он находил подходящие слова и улыбку для каждого, в том числе, и для неприступной пары, но это было таким непривычным, что «простые советские люди» таяли, и их каменные лица смягчались неожиданной улыбкой. Долико скептически наблюдала за этими сценами, называя их «великий поэт общается с народом» и старалась поскорей завести Пастернака в свою комнату, которая действительно была оазисом духовности в типично советской действительности.

Пастернак входил, и я, как заколдованная, не могла отвести от него глаз. Его личность завораживала меня точно так же, как и его поэзия. Он говорил с тобой так, словно за что-то просил прощения. Улыбался лично тебе, так, будто преподносил в подарок улыбку всей Вселенной. Восторженность была его обыкновенным состоянием. Однажды тетя сказала, что я перевела Уитмена и Тагора. Он взволновался, и я почувствовала себя неловко. Пастернак попросил меня что-нибудь прочитать. Я прочла по-грузински Тагора – «Зажги свой светильник...». Ясно, что он не понимал ни слова, но слушал меня, закрыв глаза. Долго молчал, а потом, запинаясь, сказал: «Я всегда знал, что грузинский язык создан для поэзии»... Его глаза были полны слез, и я знала наверняка, что в эту минуту он думал о своих друзьях – трагически погибших Тициане и Паоло, и их стихотворениях.

С тех времен у меня осталась реликвия – переписанный рукой Пастернака «Гамлет» с надписью – «Елене Гогоберидзе».

Тот день отпечатался в моей памяти с необыкновенной четкостью.

2 июля 1960 года. «Литературная газета» опубликовала сухое сообщение: «Правление Литературного фонда Советского Союза сообщает, что скончался писатель, член Литфонда Пастернак». Пастернака – одного из величайших поэтов 20-го века, лауреата Нобелевской премии – обозначили на родине как «члена Литфонда». Вот таким «справедливым» был оче-

ловеченный советский режим послесталинского времени. Государственная машина заработала. Все делалось для того, чтобы никто не узнал, где и когда похоронят члена Литфонда. Но благодарных читателей Пастернака не пугали ни скрытая угроза власти, ни обычный для советского человека страх. С раннего утра люди двинулись в сторону Переделкино. Мы ехали в переполненном поезде и, как заговорщики, по выражению глаз или общему виду догадывались, кто едет туда, а кто – куда-то еще, по своим делам. Потом мы шли пешком, в тишине, под сочувственный шорох стоявших вокруг его многолетних друзей – ольховых деревьев. Шли именно так, как и предсказал поэт:

И вы прошли сквозь мелкий,
нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес
кладбищенский,
Горевший,
как печатный пряник.

Дом в Переделкино, где поэт жил все последние годы... Играет Рихтер, звуки Шопена разносятся по лесу, проникая в людские души и природу, кто-то читает стихи Пастернака... И у всех, я уверена, у всех – и у пожилой женщины в сером платке, и у маленького заплаканного мальчика, и у женщины в черном, которая рядом со мной бормотала про себя: «Доколе, доколе так будет в нашей России», – у всех, кто стоял там молча, неподвижно, и для кого Пастернак был спутником всей жизни, у всех в ушах звучал голос поэта, еще живой, «не тронутый распадом»...

Прощай,
лазурь преображенная
И золото второго Спаса,
Смягчи последней
лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощай, размах крыла
расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира,
в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

«ПЫЛЬ С КРЫЛЬЕВ БАБОЧКИ»:

ВЫСТАВКА «РЕЗО ГАБРИАДЗЕ В ПЕТЕРБУРГЕ»

■ Марина ДМИТРЕВСКАЯ

«В моих воспоминаниях Петербург сидит очень прочно, он – «непроходящий» для меня город. Я не был здесь транзитным, меня связывает с ним очень много, есть даже знакомые камни. Здесь я гулял с родным, «до боли, до слез», как говорят продавщицы косметики, близким человеком. Здесь столько красоты, и каждый раз удивляешься: какая-то башенка-шутка, в нее поместится два с половиной человека, и кто так красиво пошутил?..» Так говорил Резо Габриадзе.

Он любил Петербург, а Петербург любил и продолжает помнить его. С 6 июня по 29 октября в Полярном флигеле Шереметевского дворца (это филиал Театрального музея) мы открыли выставку «Резо Габриадзе в Петербурге. Куклы. Живопись. Графика». На этой выставке – мгновения, оставленные городу и в городе, на стенках друзей и в запасниках музеев...

Резо связывало с Петербургом очень много адресов и людей... Сорок лет дружбы с Андреем Битовым определили не

только его жизнь, но и творчество: Битов открывал для себя и для Габриадзе Пушкина – и нет больше в мире художника, так много рисовавшего Пушкина, как Резо...

Невский, 110, где жили Битовы, стал первым постоянным адресом Резо Габриадзе в Петербурге.

А потом, в конце 70-х, дождь застал его на Невском, Резо спрятался под крышу Театра им. Деммени и увидел там в витрине старых марионеток. Они встретились. Это был исторический момент, Габриадзе увлекся марионетками, ленинградские кукольники учили его азам своего искусства, здесь он делал свой первый кукольный мультфильм «Сказки Коджорского леса».

Долгие и прочные отношения связывали Габриадзе с Музеем театрального и музыкального искусства. Он любил музей-квартиру Пушкина на Мойке, 12 (его работы хранятся и там). Он страшно гордился, что его листы есть в собрании Русского музея. Выставки его малой пластики проходили в Музее Ахматовой в

Фонтанном доме. Работы Резо Габриадзе хранятся и в Музее Достоевского.

В 1996 году журналист Елизавета Богословская свела Резо Габриадзе с Театром Сатиры на Васильевском острове, где родился шедевр – «Песня о Волге». Резо жил тогда на 15 линии Васильевского острова (адрес остался в тексте спектакля)...

В 1986 году на гастроли Тбилисских марионеток в Театр Деммени пришла я, молодой театральным критик. С этого момента и до самой смерти Резо, «тридцать лет и три года» мы были связаны. И когда в 1992 году возник «Петербургский театральный журнал», с самого первого номера в нем началась рубрика «Театр Резо Габриадзе». Из нее потом родилась книга «Театр Резо Габриадзе. Рассказ об истории Тбилисских марионеток и беседы о куклах, жизни и любви с Резо Габриадзе» (2005). Редакционный чердак на пл. Искусств, 5, а потом подвал на Моховой, 30 стали петербургскими адресами Резо.

В 1994 году на Фонтанке открылся памятник Чижику-Пыжику, ставший культовым местом для петербуржцев. Затем – памятник Носу майора Ковалева.

В 2005 году, после долгой паузы, Резо решил сделать новый спектакль «Локомотив» о любви двух паровозов. Он де-

Марина Дмитриевская и Резо Габриадзе

лал его в двух городах, Тбилиси и Петербурге, где ему помогали многие, в частности, студент Юра Сучков. И когда в 2018 году в Александринском театре вышел спектакль «Какая грусть, конец аллеи...» по пьесе Габриадзе, написанной тоже здесь, в Петербурге в 1990-м, в гостинице Дома композиторов, над оформлением вместе с Габриадзе работал прекрасный сценограф Юрий Сучков...

– Есть ощущение, что что-то улетучивается, пропадает... Давайте сделаем выставку Резова Левановича, – сказал мне полгода назад Юра, уже давно главный художник Театрального музея, в последние годы превращающий в театр каждую выставку.

– Да, исчезает... – сказала я. Стояла зима.

Пока Резо был жив, казалось, он создал в Тбилиси мир, с которым ничего не может случиться. Спектакли, идущие под фонограмму великих голосов, вечны. Башня, отсылающая к элементам разных культур, велит глядеть в небо. Пасхальный родник напротив Анчисхати, рифмует Рождество Богородицы и Пасху, воскресение. Кафе знаменует радость живой жизни. Но прошло два года с ухи-

да Резо, и этот мир стал источаться и иссыхать. Никто уже не помнит «Не горюй!» и даже «Кин-дза-дзу», не знает Барышникова и Кирилла Лаврова (недавно выяснила это на экскурсии по выставке со студентами), а уж кто сделал нам Чижика – знает вообще редкий пьяный прохожий. Но и в Тбилиси вот уже нет и кафе Габриадзе, там идет какой-то ремонт, реконструкция, а какая реконструкция может быть у арт-объекта, где каждый сантиметр был затерт гениальной рукой художника, каждая доска?.. Невосстановимо.

– Да, исчезает, – сказала я Юре. И мы принялись делать выставку.

Хотели назвать ее «Пыль с крыльев бабочки». Потому что сам Резо говорил: «Счастье невозможно поймать: как только вы его поймали – у вас в руках пыль от крыльев бабочки. Счастье ощутимо только в воспоминаниях». А мы делали выставку-воспоминания о Резо и его искусстве.

На выставке четыре зала, чем-то напоминающие галерею, которую в своем театре сделал Резо (но открывал ее только друзьям).

В зале «Песни о Волге» впер-

вые за 25 лет вновь увидели белый свет куклы, долго лежавшие в кофрах Театра на Васильевском.

В зале «Кутаиси» – истоки, теплота Грузии, питавшая искусство Резо Габриадзе.

В зале классиков – Пушкин, Ахматова, Достоевский. В ленинградском зале – Володин, Чижик, «Петербургский театральный журнал»... Такие, знаете, залы-шкатулки, как написал один критик.

Выставка имеет огромный успех. Я вожу экскурсии, люди смеются и плачут, пишут письма. Особенно важны для меня письма молодых: «Я студентка первого курса, вчера была на вашей экскурсии, посвященной Резо Габриадзе. До этого я совсем немного знала о нем, практически ничего... Перед началом мы успели посмотреть «Знаешь мама, где я был?», и все – от этого мультфильма до каждого слова Резо, развешанного на стенах выставки – попало в сердце. Ваши рассказы и слова о нем, о его творчестве потрясли меня невероятно. Вечером я досматривала «Песню о Волге» и плакала... Этот спектакль останется для меня самым великим спектаклем о Войне, о Мире, о Любви живого к живо-

му. И мне теперь хочется открывать и дальше удивительные, трепетные миры Резо... Даже не хочется, я уже не смогу без этого...»

После экскурсий люди остаются в залах, смотрят «Песню о Волге», фильмы «Знаешь, мама, где я был?» и «Пушкин, Битов, Габриадзе». Они проводят на выставке по многу часов. Греются. И говорят мне, что теперь у них появились силы дышать.

Мы хотели создать пространство жизни в мире сегодняшней не-жизни. Судя по всему, это удалось. А теперь наступила пора лекций о творчестве Резо Габриадзе во всех видах искусств: Анна Бердичевская (тема – «Битов и Габриадзе»),

Вячеслав Шмыров (кино), Вадим Жук (по поводу юмора), Андрей Сарабьянов (живопись). Ну, и я еще два месяца буду рассказывать о художественном мире Резо Габриадзе. Есть идея вечеров в ресторане «Казбеги» и в пространстве «Чижики»... Потому что Петербург помнит и не собирается забывать Резо Габриадзе.

Выставку уже пригласили в Екатеринбург и в Москву. Значит, соберем нашу пыльцу в ладошки и повезем...

А еще – допечатываются очередные тиражи моих книг о Резо. Интерес к ним не иссякает...

Даже странно.

Вдруг и как по заказу...

Сначала, в 1983 году, в моей заснеженной Перми я увидела три великих грузинских фильма – «Не горюй!» (тогда впервые для меня прозвучала фамилия Габриадзе), «Древо желания» и «Жил певчий дрозд». Время для меня было трудное, но эти фильмы согрели сердце, и я подумала: ах, если бы там побывать, в этой Грузии!.. Через год я жила в Тбилиси. Мало того, еще через полгода, я познакомилась с самым любимым писателем с юных лет – Андреем Битовым. Просто в лифте, шедшем на крышу пицундского Дома писателей, где проходили литературные семинары. Битов один из семинаров и вел. А еще через пару месяцев, уже в Москве, при встрече, тоже случайной, Андрей спросил, знаю ли я Резо Габриадзе и его театр марионеток в Старом городе. Отвечаю: «Слышала, люблю фильм «Не горюй!», но с Резо не знакома». – «Нехорошо, вы уже год в Тбилиси. Я вас познакомлю!»

И познакомил. Сделано было изящно. Перед моим отлетом из Москвы он дал мне для передачи Резо книгу Набокова «Лолита». Как же обрадовался Резо, когда мы с Лолитой пришли к нему в театр. Мне обрадовался, мне, и даже больше, чем Лолите. Потому что я была от Андрея, от любимого друга! Ну и с подарочком... Так все и началось. Легко и счастливо. Случай оказывался судьбой. И дружбой, как говорится, на всю оставшуюся жизнь...

Рушился СССР, шла гражданская война в Грузии, издавались и не издавались книги, случались болезни, разлуки надолго и встречи – надолго: в Питере, Москве и Тбилиси, но и в Германии. Дружили семьями и поодиночке. Самое продолжительное и ответственное путешествие с Андреем по Грузии было задумано Резо и осуществлено им же на стареньком «Запорожце». Андрей отправился с дочерью Аней, Резо – с сыном Леваном, будущим исполнителем роли Скрипача в фильме «Кин-дза-дза!» Георгия Данелии. Проехали Кахетию, Вардзию, Кутаиси... Но главной целью был монастырь Моцамета под Кутаиси. Там, в

СЛУЧАЙ И СУДЬБА. РЕЗО И АНДРЕЙ...

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Мне повезло! Я мечтала, как бы мне выкроить несколько дней и съездить в Питер на открывшуюся там выставку Резо Габриадзе. И вдруг Марина Дмитриевская, главный редактор «Петербургского театрального журнала», позвонила мне в Москву и спросила – могу ли я приехать, чтобы прочесть в лек-

тории, приуроченном к выставке, лекцию о дружбе Габриадзе и Битова... Как по заказу! Так я оказалась и на выставке, и в Санкт-Петербурге.

Я не слишком удивилась. Потому что – вот уже сорок лет – все, что в моей жизни связано с этими двумя, очень разными, людьми, так и происходит.

Правнуки Андрея Битова Костя и Катя Соловьевы – на выставке «Габриадзе в Петербурге»

этом монастыре, удивительный человек, отец Торнике, крестил Андрея Битова и его дочь Анну. А крестными были Резо и Леван Габриадзе.

Да, они были очень разными и людьми, и художниками.

Битов – мыслитель. Его изумительная проза, я думаю, дышала прежде всего образной, никем не высказанною, живой мыслью. Логос – мысль в слове! – основа творчества Битова. Поразительная догадка обо всем сущем, скрытая от нас по ходу обыденной жизни, в его тексте – вдруг, как вспышка, обжигает наше сознание... Битовым, как никем из современных писателей, владел мощный полет мысли и слова... Так, в этом полете, он и жил.

Габриадзе – график и скульптор, глаза и кончики пальцев – вот его инструменты. А также нежное и ранимое сердце. Он и нас всех ранил и восхищал хрупкой красотой и драматургией чувств, никак не названных, но – понятных всем, кто

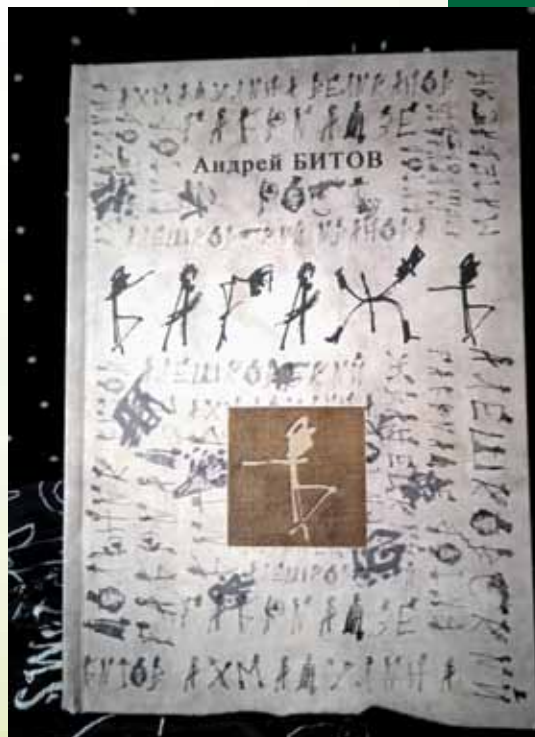
видел его спектакли, фильмы, рисунки, живопись. Он владел пронзительной тайной любви, мы влюблялись в его героев – наивных, безумно страстных, смешных, беззащитных... Прекрасных.

Общим для Резо и Андрея было то, что они оба обладали несусветной творческой энергией и фантазией. Им было страшно интересно друг с другом. Оба были людьми пылкими. Резо – грузин! Но и Андрей, как он выяснил годам к шестидесяти – дальний потомок черкесского рода. Они, бывало, ссорились, да так, что свидетели за сердце хватались... Но, странное дело, ссоры не ссорили их до конца. Им даже как-то специально мириться не было нужды. Потому что вместе они были – одно. Инь и Ян. С восьмого класса школы мы знаем: в электросетях, как и в кучевых облаках, плюс и минус создают огромную разность потенциалов, возникают молнии. Ссоры между друзьями, бывало, гремели, но – про-

ходили, как грозы в мае. В то же время разность потенциалов творческой энергии порождала молнии озарений! Как много (и быстро, и вдруг, и радостно) – они сделали вместе. Так родился памятник Чижиху-Пыжиху. Такой скромный и маленький памятник!.. А будет жить, пока есть Питер и в нем – река Фонтанка... Думаете, это просто было осуществить? Для НИХ – просто! Потому что – оба очень захотели! Чего хочет художник – того хочет Бог.

Они создали вместе несколько общих книг. Самая толстая, роскошная, фантастическая из них – «МЕТАМОРФОЗЫ» (издательство «Амфора»). Самая для меня важная – «БАГАЖЪ», поскольку соучаствовала (книга вышла в бедном, но гордом издательстве «ArsisBooks», где я была главным редактором). «БагажЪ» – это целиком написанный Андреем Битовым литературный памятник дружбе. А все иллюстрации – Резо Габриадзе. Это получилось естественно и легко, потому что друзья у Резо и Андрея были, в основном, общие. Как и жизнь. В оформлении обложки был использован рисованный шрифт, который Резо подарил Битову с надписью: «Андрей, вот тебе

Книга А.Битова «БАГАЖЪ» – литературный памятник дружбы.

Марионетка «Битов»

альрабета «Пушкин», выучи, а когда выйдешь из больницы – я проверю!» (В это время Битов лежал в клинике Бурденко, где великий нейрохирург Коновалов сделал ему трепанацию черепа, и друзья, в том числе я, навещали больного).

А вот цитата из Битова на задней обложке Багажа: «Не было у меня более твердой валюты, чем дружба! Юз Алешковский, Саша и Роза Великановы, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер, Резо Габриадзе и Грант Матевосян, Жванецкий и Юра Рост... Из Беллы Ахмадулиной, Гранта и Габриадзе, Алешковского и Жванецкого сложилось впервые слово БАГАЖ, твердый знак укреплял его».

Битов вышел из больницы, жизнь и дружба продолжились. У Резо и Битова кипела работа, у каждого своя, и общая – тоже. По ночам они часто звонили друг другу, и со мной перезванивались, в основном ночами – сон рассказать, обсудить пришедшую на ум идею или пожаловаться друг на друга – чтобы тут же утешиться. Както Резо не приехал в Москву на гастроли собственного театра. Заболел. Андрей попросил меня принести на премьеру ноутбук, и я связала их, тогда это делалось по скайпу. Жизнь начала меняться стремительно. Но дружба не убывала, наобо-

рот, становилась все нежнее и глубже. В начале 2018-го совершенно больной Андрей Георгиевич с дочерью Аней пришел на московскую премьеру фильма «Знаешь, мама, где я был?..» Габриадзе опять не смог приехать – проблемы с легкими, ехать в зимнюю Москву нельзя... Успех этого, на мой взгляд, великого фильма был такой оглушительный, что даже мешал смотреть. Битов был тихо счастлив. Больше всего его порадовал эпизод, где герой фильма мальчик Резо после учебного года возвращается в деревню к бабушке и встречается с выросшим с прошлого года головастиком. Тот превратился в опытного мужчину. Зеленый Лягух угощает Резо первой папиросой, и они говорят о жизни... Андрей после фильма снова попросил меня связать его с Резо, уже по вотсапу, и два друга, мужчины безусловно опытные, поговорили, поглядели в глаза друг другу.

Анна Бердичевская и Андрей Битов

3 декабря того же года Андрей Битов умер... Резо был в полном отчаянии. Но нашел в себе силы, чтобы написать и прислать прощальное слово, которое я прочла на похоронах вместо него.

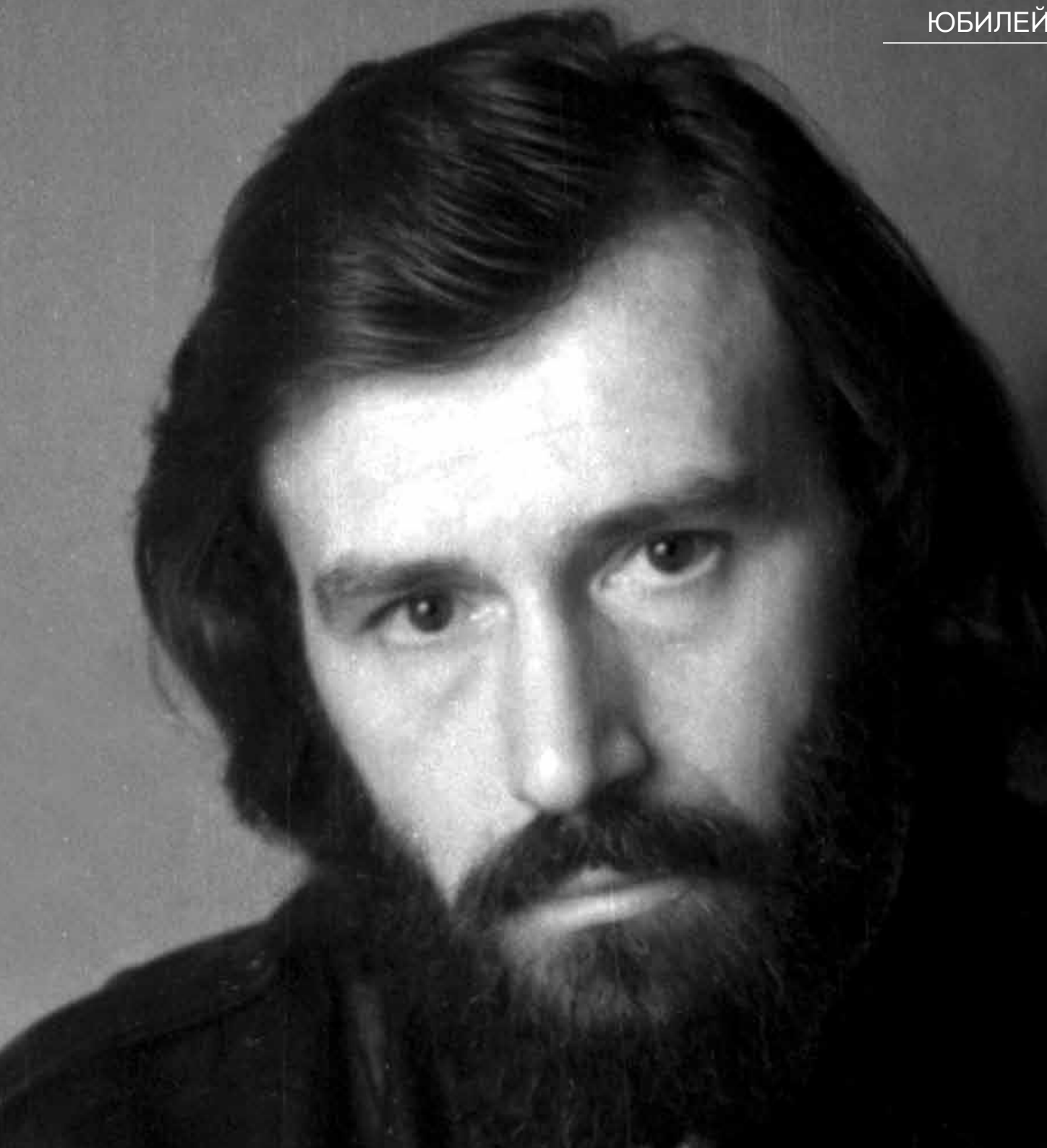
Что объединяло этих людей больше всего? Пушкин! Битов и Габриадзе встретились впервые в Москве на Высших сценарных курсах. Там Резо впервые прочел роман «Пушкинский дом», был потрясен книгой, да и просто заболел Александром Сергее-

вичем. Он создал сотни, если ни тысячи рисунков и с Пушкиным, и про Пушкина. Так и появилась их совместная с Битовым Пушкиниана. Но и автором великого романа Резо тоже был потрясен. Андрей стал персонажем его спектаклей, марионетка Битов – один из героев спектакля «Песня о Волге», появлялся «в эпизодической роли» в спектакле «Бриллиант маршала де Фантье». Резо сделал и подарил своему другу куклу-портрет – Битов в папахе и чохе с газырями – настоящий грузинский князь...

Что я могу сказать? Выставка «Резо Габриадзе в Петербурге», слава богу, досталась мне, как чудесный подарок. Вроде тех, что дарили мне эти великие художники и друзья на всю жизнь. Счастлива, что больше двух месяцев петербуржцы и гости валом валили в залы выставки в Шереметьевском дворце, а также на экскурсии по этим залам, которые проводила

Марина Дмитриевская. Сюда, на выставку, пришла и любимая внучка Андрея Георгиевича со своими детьми Костей и Катей – правнуками Битова. Стало быть, дружба продолжена – я так думаю!

И еще, я восхищена тем, насколько точно, с огромным вкусом и с любовью к Габриадзе выставка оформлена. Спасибо замечательному художнику Юрию Сучкову и всем, кто ему помогал!

Любите ли вы театр так, как любит его он? «То есть всеми силами души, со всем энтузиазмом, со всем испуганием? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?» Так, как он, Валерий Харютченко? Мы – его почитатели – можем. Честное слово, можем! Потому что, когда на сцену выходит этот поразительный артист, зритель, взволнованный и замороженный, становится свидетелем настоящего чуда – рождается Его Величество Театр! И тогда – сердце радуется, «душа трудится», и мы испытываем то ни с чем не сравнимое, особое счастье, ради чего люди и ходят в театр.

***Сердечно поздравляем Валерия Дмитриевича с юбилеем!
Будьте здоровы! Творите еще много-много-много лет – на радость всем нам!***

ДУША МОЯ ЛИКОВАЛА

ИЗ КНИГИ «КОВЧЕГ ДЛЯ ВСЕХ»

■ Валерий ХАРЮТЧЕНКО

КУРИЛЫ – ВЛАДИВОСТОК – МОСКВА

В нашем семейном альбоме хранится фотография – маршал Родион Малиновский, лично курировавший в те далекие годы дальневосточные рубежи, жмет руку моему отцу – благодарит за отличную службу (*прим. ред.* Валерий родился на острове Шумшу Курильской гряды, на котором отец, офицер Дмитрий Иванович Харютченко, командовал артиллерийским гарнизонам). В результате папу переводят в Московский военный округ. Ранним весенним утром 1951 года на маленьком буксире нашу семью доставили к океанскому кораблю, который стоял на рейде. Он был такой огромный, что, казалось, доставал до небес. Из его труб струился сизый дым. Клубясь, он уплывал в небо, где становился облаками. Видимо, тогда я впервые догадался, откуда берутся небесные тучки. С верхней палубы корабля с помощью лебедки спустился корабельный трос с сеткой-тралом на конце. Вообще-то такой сетью ловят рыбу. А в то утро в нее угодили люди. На дно трала положили чемоданы и разную поклажу. На образовавшуюся площадку стали женщины с грудными детьми. «Вира!» – раздалась команда, и сеть унесла к облакам свою первую добычу. Среди этой человеческой стаи была и моя мама, державшая на руках Саню, моего братика, которому тогда исполнилось полгода. Второй партией поднимали нас, мужиков: мне в ту пору уже стукнуло целых три года, и я помню все, как сейчас. «Ничего не бойся!» – сказал отец, крепко прижав меня к себе. И мы поплыли вверх. Дух захватило! Под нами дышал океан, а мы словно парили над ним. Я ощущал себя и молекулой, и великаном вместе. А Тихий океан был моей душой. В три года я был окроплен брызгами великой купели. Ведь Тихий океан – купель Земли, космос, и это моя родина. Спустя много лет я увидел в фильме Андрея Тарковского «Солярис» образ этого

живого Океана-божества.

И вот корабль поплыл к материку. Наш почетный эскорт состоял из гигантов-китов, дельфинов, электрических скатов, осьминогов. Даже морские коньки и ежи провожали нас до Золотой бухты Владивостока. И это все происходило на самом деле. Было моей дальневосточной реальностью. Хотя кому-то это и может показаться фантазией или сновидением. Через три месяца после нашего отбытия с Курил почти все жители острова Шумшу погибли. Чудовищные волны цунами смыли всех и все, оставив только тяжелые пушки на самой высокой сопке. Говорят, что каждый год в этот трагический день над Курильскими островами раздается артиллерийская канонада. Хотя, может быть, это и небесный гром, поминающий погибших.

А потом был долгий путь на поезде до Москвы. Днем наш паровоз мне очень нравился, он был такой красивый и сильный. А ночью пугал – казался каким-то огненным чудовищем, циклопом с горящим глазом. Паровоз мчался, пыхтел, выпуская из своих железных ноздрей пар, а из трубы – густой сизый дым, который устремлялся вверх, превращаясь в новые тучки. За окнами вагона мелькали поля, леса, реки, избушки и города. Волшебный паровоз вез нас через всю страну.

«Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская страна. Кипучая, могучая, никем не победимая. Страна моя, Москва моя, ты самая любимая...» Этот жизнеутверждающий марш разбудил нас на десятые сутки путешествия. Я и сейчас, когда слышу его, ощущаю в себе того светлого мальчика, перед которым только открывались дороги его будущей жизни. И вновь хочется проделать тот удивительный путь от Владивостока до Москвы, и комок подступает к горлу.

В Москве мы прожили два года. Папа часто выезжал на во-

В. Харютченко. Автопортрет

енный полигон, где проводились испытания новой артиллерийской техники. Иногда он катал нас на огромной машине ЗИМ. Особенно мне нравилась улица Горького. Когда опускались сумерки и шел дождь, огоньки машин отражались на мокром асфальте. Они завораживали, в этом была какая-то магия.

Однажды мне приснился сон, что папа повел нас в Мавзолей, где были дедушки Ленин и Сталин, любившие всех людей, а особенно детей.

Через Красную площадь медленно двигалась человеческая река. Казалось, что мороз и вьюга выстудили все – вокзалы, заводы, трамвайные колеса примерзли к рельсам, дым из фабричных труб замерзшим колом уперся в небо. Город окоченел. Видимо, люди должны были помучиться, чтобы острее ощутить тепло от встречи с вождями. И только те, кто направил стопы к великим отцам, в состоянии были передвигать свои конечности. Мы неотвратно приближались к Мавзолею. Чеканя шаг, сменился караул. А на Спасской башне били куранты. Мы – папа, мама, маленький Саша с санками и я – вошли в святая святых. Там чем-то пахло, но это был не запах ладана. Одна тетка стала

чихать и кашлять. Видимо, у нее разыгралась аллергия. Откуда-то вынырнул кто-то и куда-то ее уволок. Все стихло, куранты тоже. Сашины санки отобрали, шепнув, что «здесь вам не Ленинские горки!» Мы подошли к саркофагам. Под пуленепробиваемыми стеклами лежали два великих человека. Вернее, то, что от них осталось. Их оболочки были ухожены. На щеках играл багряный румянец. Мне показалось, что из-под прикрытых век дедушки Ленина стекла маленькая слезинка. Я чуть было не заплакал сам, но сдержался, подумав, что братишка, глядя на меня, тоже заревет. Тем более что санки отобрали. Признаюсь, я испытал большое разочарование по поводу почтаемого мною Сталина. Увы, он, как и Ленин, был какой-то игрушечный и маленький, хоть и в «генералиссимусских» погонах. Через восемь лет, а восьмерка – это знак бесконечности, вождей разлучили. Возможно, слеза на щеке Ленина была знаком того, что он это предвидел, будучи шаманом великой революции. Шаманом был и Сталин, прах которого покойся ныне в Кремлевской стене. А утро по-прежнему красит нежным светом стены древнего Кремля...

«Валерик, просыпайся, сегодня идем в Мавзолей». – «Мама, мы ведь там уже были...» – «Сынок, тебе это приснилось!»

Наш поход в Мавзолей наяву был гораздо более прозаичным.

Вскоре папу направили на службу в старинный город Вышний Волочок, который называют русской Венецией.

ПАРАВАНИ

Высокогорный район Грузии. Озеро Паравани. Село Родионовка. Место, где нашли приют и обрели вторую родину духоборцы, поселившиеся здесь еще в 40-е годы XIX века. Кинорежиссер Заза Урушадзе снимал там фильм «Здесь светает». Меня пригласили на роль доктора-духобора. В картине снимались грибоедовцы Лев Гаврилов, Владимир Левицкий, Лика Сванидзе, Темо Шотадзе. Нас разместили в домах добросердечных, гостеприимных селян.

После ужина хозяин дома, где мы остановились, рассказывал нам разные истории о крепости

на двугорбой горе Кер-оглы. О герое-разбойнике, защищавшем простых людей и построившем эту крепость. Легенду, гласившую, что человеку, сумевшему подняться на вершину Кер-оглы, судьба принесет удачу.

Проснулся я с мыслями об этой горе. Дело в том, что Гоги Кавтарадзе, как и Гизо Жордания, тоже воспытал желанием поставить «Гамлета». Заглавная роль была предложена мне. В решении Кавтарадзе заключался один нюанс: я должен был исполнять роль постановщика спектакля, играющего при этом Гамлета. В театре уже вовсю шли застольные репетиции. Гертруду репетировала Люся Артемова, Клавдия – Джемал Сихарулидзе, Офелию – Ирина Мегвинетухцеси, Полония – Алик Кухалеишвили. Конечно же, актер – он и пластилин, и глина. Но он еще и личность. Актер должен иметь свой угол зрения. Тем более в столь гиперсложной теме. Вот тут возможны и конфликты. Что ж, театр – это любовь-поединок, но в нем не должно быть побежденных. Ведь плод всех наших страстей – спектакль! Конечно, он может родиться и каким-нибудь уродцем, а может и наоборот. Словом, быть или не быть. Говорят, Высоцкий кинул в Любимова во время репетиции кинжал, и ничего, все живы остались. Зато какой спектакль! Нет, конечно, у нас до рукоприкладства не дошло, но ор стоял – рятуй мене, мама! В общем, шел рыцарский турнир с открытыми забралами за шекспировское слово.

Но вернемся к Паравани. Я должен был взять приступом эту гору. После завтрака поднялся на пригорок, потом на другой. Осмотрелся по сторонам. Пролетел самолет так низко, что я мог бы запрыгнуть на его крыло. Тогда еще был прыгуч. Но решил не пугать пассажиров воздушного лайнера. Летчик улыбнулся мне, и самолет скрылся за кучевыми облаками. Чудно! За легкой дымкой тумана виднелись вершины гор. Среди них выделялась похожая на двугорбого верблюда гора Кер-оглы. Казалось, до нее было рукой подать. И я бодро отправился в путь. Голоса людей, мычание коров, лай собак становились все тише и тише и в скором времени совсем затихли.

Я обернулся. Не было видно ни селения, ни озера. Я ощутил себя первобытным человеком, еще безгрешным Адамом. Древние камни под ногами были покрыты вековым мхом невероятных цветов. Перламутровая бабочка, никем не пуганая, села на мою ладонь, и мне показалось, что она тоже улыбнулась, как тот летчик. Я ощутил невероятное чувство свободы. Дышало вечностью. Душа моя ликовала. И все это проецировалось на тему Гамлета. Мы все в одной купели.

Я шел к горе. Она все отступала от меня. Это был поединок с пространством и временем. Я словно вошел в некий портал, где время остановилось. Ветер принес с собой отдаленный лай собак, и чувство тревоги охватило меня. А если нападут волки или дикие собаки? Инстинктивно рука потянулась к камню, лежащему под ногой. Но я не смог его поднять: он слился с другими камнями и был частью целого – горы, на которой я стоял. Сердце мое екнуло – Гамлет напомнил о себе. Шевеля усиками, на меня с удивлением глядела голубая гусеница. И вдруг метаморфоза! Расправив оранжевые крылышки, уже бабочкой, не оглядываясь, она улетела в сторону Кер-оглы. «Надо же, вот тебе и альпийская зона! – подумал я. – Как бы самому не вращи в эти камни». И отправился дальше.

Неожиданно, будто материализовавшийся мираж, передо мной возникла двугорбая гора. У ее основания зеленым оазисом раскинулась небольшая палатка. А рядом – два деревца с райскими яблочками. Сквозь редкую изгородь, подняв тяжелую голову, не мигая, на меня глядела «собака Баскервилей» – огромная кавказская овчарка. Худощавый человек стриг молоденькую овцу, которая жалобно блеяла. «Эй! Гамарджоба!» – подал я голос. Волкодав рыкнул, ноги у меня подкосились. «Не бойся, он спит!» – отозвался пастух. Пес зевнул и опустил голову. «Куда идешь? Откуда?» – «Кино снимаем на озере Паравани! Хочу на гору подняться» – «Один?» Я кивнул. «Ну ты даешь! Иди по козьей тропе». Овца, лишившись руна и впервые увидев свое голое тельце, зарделась, как девушка, и стыдливо ускакала. «Брат тебя

проводит. Спустишься с горы, сыру дам с хлебом».

Козья тропа была усеяна ага-товыми катышками. На почти отвесных скалах беззаботно паслись козы и парочка коров. И вот я на вершине! Если бы Вильям Шекспир в XVI веке оказался на этом месте, то увидел бы ту же самую картину. Облака, плывущие по небу, которые можно погладить рукой, снежные шапки гор, спящие своей белизной, пропасть, зовущую к полету. А вдали – маленький бирюзовый лоскуток озера Паравани. Для меня он как капля, как отзвук великого Тихого океана, моей далекой родины!

Когда я спустился, гостеприимный хозяин угостил меня сыром. Я ужаснулся, узнав, который час. Ведь никто не знал, что со мной. Пастух дал мне своего коня, чтобы я добрался быстрее (в молодости я занимался пятиборьем и прилично сидел в седле). Брат пастуха сопровождал меня. Через полчаса мы были уже в селе. Местные жители думали, что меня порвали волки. Выяснилось, что я отсутствовал около пяти часов. В одиночку они так далеко не ходили. Но своим безрассудством я завоевал их симпатию.

Паравани – удивительное место, достаточно сказать, что там можно увидеть одновременно четыре радуги. Такого я нигде не встречал. Насыщенная горная атмосфера, духовная литература, которую я взял с собой, Карл-Густав Юнг с его архетипами, «Тибетская книга мертвых» создавали особый психологический настрой. Погода менялась часто. Туча окутывала село, ложилась на озеро. Напившись, она улетала. Из тучи шел дождь. Гуси щипали траву. Круговорот воды в природе, единое пространство: земля и небо. Это было так ощутимо. Не случайно отца Гамлета зовут тоже Гамлет. Зеркальное отражение, та же туча. Но отец при жизни, завоевывая, разрушал, а Гамлет-сын, по сути своей, созидатель. Обстоятельства же требуют от него поломать свою природу.

Через месяц съемки завершились, и мы вернулись в Тбилиси. Там я узнал, что репетиции «Гамлета» свернули. А как же легенда? На гору же я поднялся?

Шекспир был посвященный. Он и Паравани, грузинская Шамбала, посвятили и меня. Восхождение на Кер-оглы не прошло даром.

Там же родились эти строки: «Прилег на дню отдохнуть уставший смерч, / И сыплется шурша песок с его покатых плеч. / Переверну песочные часы, / Они отнимут час от пустоты. / Течет песочная река. / Опять на зыбком берегу стоять...»

КУПОЛА НА ДНЕ СИОНИ

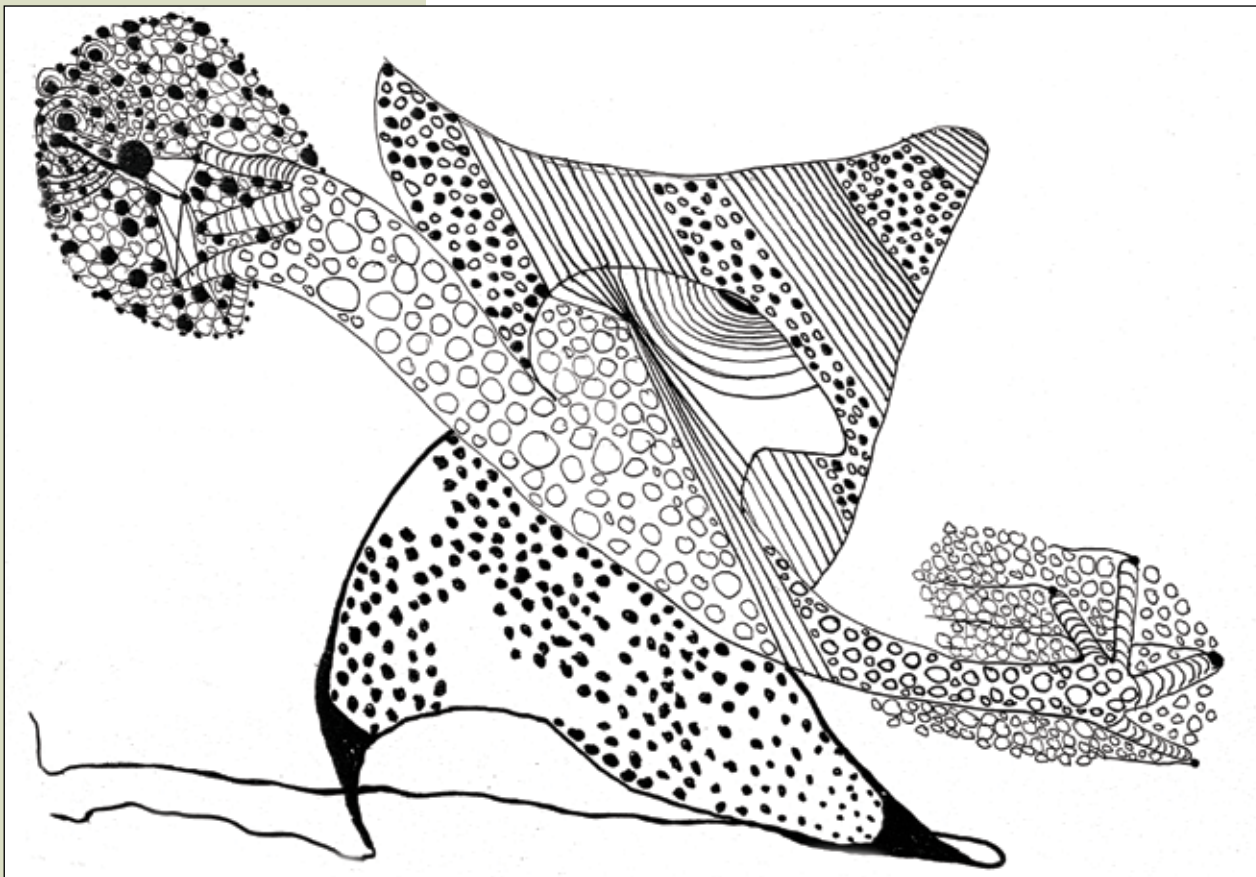
«Ну, старик, теперь у тебя поперет! Ты создан для кино, помни мои слова!» – подобные пророчества о моей кинематографической судьбе я слышал не раз. Сниматься – снимался, но, увы, не поперло. Не получилось оказаться в нужное время в нужном месте. Или судьба-злодейка, или сам дурак. Ходить нужно с должной ноги или в ногу. Но кое-что, о чем можно вспомнить, осталось.

Как-то снимался у Кахи Мелитаури в фильме «Водохранилище», играл русского человека, родившегося в Грузии, в ныне затопленной деревне Сиони: теперь она находится на дне водохранилища. В солнечную погоду сквозь толщу воды можно увидеть мозаику маленькой площади, утопленницу-церковь, с немим укором глядят синие ее купола на отраженные в зеркале водоема проплывающие облака, на смеющихся людей в лодках, глазающих на нее сверху. Иногда сетями вылавливают из озерной воды рыбу и утопленников. Человека, которого я должен был играть, выселяли из этих мест в город Рустави, где тогда еще функционировал металлургический комбинат. Каха поставил задачу: я должен был взбунтоваться, когда начальник райисполкома придет выгонять меня. Текст и мои действия должны были носить импровизационный характер. На подготовку отпускалось около часа. Я разулся и босой пошел по кривым улочкам Сиони-2, расположившегося на берегу водохранилища, накрывшего Сиони-1. До сих пор здесь жили в дружбе и согласии и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, и немцы, и греки, и русские. Но распалась связь времен. Люди,

которых встречал по дороге, были в черном. И молчаливы, как будто глухонемые. По улицам бродили огромные собаки, но они не лаяли. Над Сиони висела тишина. Она, словно поводырь, протянула мне руку и повела за собой. Я знал уже, что мне делать. Нужно собрать людей, и пусть они позовут своих молчаливых собак. Я попросил привезти воду из водохранилища и налить ее в маленькое корыто, стоящее во дворе, в котором меня купали еще в детстве. «Здесь я родился, здесь и умру! Утоплюсь в этом детском корытце... но не уйду! Разве я виноват, что здесь мой дом? Захлебнусь водой, накрывшей саваном мое настоящее село, мою церковь!». Вот такой текст сложился у меня перед съемками. Раздалась команда помрежа: «Камера! Мотор! Дубль 1!» Начальник-функционер крикнул мне: «Уходи по-хорошему, а то будет по-плохому!» – «Здесь я родился – не уйду!» Начальник: «Проваливай!» Я выдернул из забора большой дрын, под ноги покатались кругляки-поленья, они рассыпались, ощерясь множеством заноз. Я замахнулся палкой о своего обидчика, но не смог ударить, бросил чертов дрын. И задыхаясь от бессилия что-либо изменить, погрузил свою бедовую голову в корыто с водой, чтобы, захлебнувшись, поставить точку в своем земном мытарстве. И уже в ином качестве оказаться у алтаря церквико-утопленницы, моля о прощении.

Через минуту, задыхаясь, я вынырнул из таза с водой. Над Сиони стоял вой. Выли женщины. Грузинки, армянки, азербайджанки, гречанки, еврейки, немки, русские.

Прервав немому, выли собаки. Выли все, вновь обретая голоса. Они оплакивали бедного человека, изгоняемого из своего дома. По моему телу пробежали мурашки. Подняв корытце, я пошел к изгороди, за которой стоял мой обидчик, и выплеснул воду ему в морду. «Проклятие! – закричал режиссер, – в камере кончилась пленка! Ты был гениален. Сможешь это повторить?» «Все возможно! – ответил я. – Попытайся, и тебе станет легче!» – «Камера! Мотор! Дубль 2!».

В. Харютченко. Маг

ПОСЛАНИЕ ГОГОЛЯ

Главное чувство, которое объединяет людей, делаая их счастливыми, это любовь. Но бывает фантом любви. Оборотень, нарушающий гармонию души. А в мире без души царит хаос, диктующий свои правила, свои экивоки — лицемерие, корысть и честолюбие. Пробуждается демон в личине добра, и наша земля, отягощенная накопленной болью, может сойти со своей орбиты. И наступит мгла. Так пронзительно ощущает нарушенную экологию сегодняшней реальности герой гоголевской повести «Записки сумасшедшего». И прилагает все усилия своей души, своего существа для спасения человечества. Я получил колоссальное удовольствие от постижения этого невероятного произведения великого писателя. И испытал огромную радость от творческого процесса и союза, предложенного постановщиком спектакля Гоги Маргелашвили.

Николай Васильевич, несомненно, был провидцем. «А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все сторо-

ны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!» Как спасти мир, погрязший в корысти и безумии? Как самому не сойти с ума? «Ведь они не внемлют, не видят, не слушают меня. Мне нет места на свете!» Сколько боли в словах героя гоголевской повести. И как актуален этот смысл.

P.S. ЕЩЕ ОДИН СОН ПОПРИЦИНА

Облачившись в поприщинский сюртук, как бы войдя в шкуру человека, пронизанного болью унижения и одиночества, питавшей воспаленную его фантазию, Валерий предположил возможность еще одного странного видения гоголевского персонажа:

«...Это было невероятно празднично. С яркого неба сыпались конфетты. Мир был безоблачен и спокоен. Вдруг стало темнеть. С неба посыпались беззащитные звезды, как будто меткий стрелок сбивал их из своего снайперского ружья. Мрак, распахнув беззубую

пасть, поглотил мир. И пустота, ничто стало владеть всем. Стрелка компаса бешено вращалась, тщетно стараясь определить стороны света. Спотыкаясь, покидал этот мир табун стреноженных пегасов. Все сошлось в одном уходящем в бесконечность пунктире. Но чья-то рука уверенно приподняла полог театрального занавеса, и смеющаяся голова клоуна заняла место луны. Ливневый дождь окропил крыши домов, колокольню, булыжную мостовую, пустырь, где когда-то был зарыт клад, который еще никто не нашел. На городскую площадь высыпал народ в золотых масках утконосов, бурундуков, ежей и енотов. Голова клоуна-луны на небе смеялась все громче, и люди в масках обреченно-радостно вторили ей. На землю вернулся праздник любви и согласия. Ливневый дождь шел, не прекращаясь, всю оставшуюся жизнь. Лишь одинокий ковчег кружил в бездонных водах великой купели».

Валерий снял с себя сюртук Поприцина и повесил его на вешалку.

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

ОТЧИЙ КРАЙ

Дорога к отчому дому

Минувшим летом я впервые один ездил в деревню. Отпустили меня со скандалом – мама с бабушкой считали, что я еще мал для такого путешествия; отец встал на мою сторону. В конце концов женщинам пришлось уступить. Но надо было видеть их на вокзале! Они дрожащими руками стелили мне постель, умоляли пассажиров присмотреть «за ребенком», а проводника – вовремя разбудить, чтобы, не дай бог, я не проехал свою станцию...

Наконец, поезд тронулся. В окно потянуло горячим ветром с запахом щебня и шпал, и приступ мимолетного страха сжал сердце. Первое путешествие... Поплыли назад придорожные постройки и склады, закружились в обратную сторону жилые дома за Курой и медленно растаяла вдали телевышка на Святой горе, прочерченной ровной линией фуникулера...

Ночью синий полумрак, чей-то храп, яркий свет из-под кожаной шторы. Сквозь сон то могучий гул дизеля и ночные голоса, то грохот и лязг в тоннеле...

Проводник разбудил после Харагаули. Я вышел в тамбур и встал у дверей. Поезд извивался по ущельям Верхней Имеретии. Светало. Меня чуть мутило. Тело еще хранило теплоту дремоты, и я старался делать поменьше движений, чтобы уберечь ее. Вдруг погас свет, и тамбур сделался холодным и неудобным. За окном постепенно все приобретало отчетливость, светлело, превращаясь из синих и черных сгустков в белые скалы, серые деревья, бледные, расплывчатые фонари... Потом скалы подлетели вплотную к вагону, стук колес сделался четче и громче и в глазах зарябило – мне словно надавили на белки. Я зажмурился и отошел к противоположной двери.

Смотреть отсюда было спокойнее. Прямо под ногами неслась по скользким камням зеленая речка. Тут и там на ней вскакивали белые гребешки. По берегу, усыпанному промывными бульжниками, спотыкалась гнедая лошадь... Потом показалась покосившаяся бревенчатая мельница. Она еле проглядывала сквозь сгустившееся в этом месте облако тумана. И сразу после мельницы на пригорке вспыхнуло розовое здание школы, проводник открыл дверь: расстояние между белыми камешками, уложенными вдоль полотна,

увеличивалось. Когда они остановились, я спрыгнул и нетвердо пошел к станции – приземистому строению, беленному известкой.

У колокола, рядом с дежурным, стоял знакомый старик. Он внимательно смотрел на меня и строго кивнул на мое «здравствуйте...»

Позади остался спящий поселок.

Лиловое от гудрона шоссе уводило в ущелье.

На шоссе в редком тумане я увидел ишака. Почти нереальный, почти голубого цвета, ишак шел, размеренно покачивая уложенными на седле мешками и капризно подергивая хвостом. Когда, хрустя галькой, рассыпанной по дороге, я догнал его, ишак наострил уши и развернул их в мою сторону. Мы долго шли рядом. Потом нас обоих нагнал хозяин ишака – маленький, кривоногий мужичок в остроносых галошах, и предложил положить поверх груза мой рюкзак. Я поблагодарил, перешел через дощатый мост и по крутой тропе пошел в гору.

Туман к этому времени поднялся выше, и сквозь его розовеющие облака проглядывали лесистые вершины. Теплело. Перекликались птицы. Откуда-то тонко тянуло земляничкой. Ее перебивал запах цветов, такой знакомый и мягкий, словно кто-то

ласково окликал меня...

Наш дом показался высоко на горе, за очередным поворотом. Позади него синели дубы. Перед ним голубел виноградник. А на перилах рдело под солнцем пунцовое, как мак, одеяло.

Гора

Два раза в день – утром и после обеда – мы гнали скотину в горы, на луга. Дорога тянулась через каштановый лес. Она всегда была мягкая и чуть сырая, даже в жару.

По дороге втроем, а то и вчетвером мы взбирались на пегого мосластого мула, хозяин которого хвастался его выносливостью, и горланили песни. Мул шел как то боком. А беспризорное стадо разбрелось по лесу, и кто-то из нас, недосчитавшийся в итоге овцы или теленка, хныча, кидался в лес и, либо возвращался оттуда, молотя палкой виновато семенящую скотину, либо орал во всю глотку в лесу и звал нас на помощь.

Лес кончался неожиданно и сразу же за ним начинался выжженный солнцем луг, покато уходящий вверх. Чуть левее, немного выдаваясь вперед, вздувалась вершина. Мне казалось, что это лежит огромный зеленый кит и что он может вдруг сдвинуться с места и поползти куда-то по этим горам. Я взбегал на вершину. Дул ветер, сталкивая меня назад. Никогда и нигде я не видел такого необъятного неба! Вокруг, внизу были горы. Все они были ниже той горы, на которой я стоял, и я видел их округлые вершины, леса, темные пашни и небольшие селения. Эти зеленые горы, громоздясь друг на друга, толкаясь, попеременно с белыми скалами уходили к спокойным холмистым очертаниям дальних хребтов и вдруг решительно поднимались в самое небо, темнея до цвета спелой сливы. Вершины их были покрыты снегом, который к середине лета удерживался только на самых макушках... А сзади, в противоположной стороне, горы спускались все ниже и переходили в рыжеватую равнину. Лесов на равнине не было, поэтому даже отдельные деревья бросались в глаза. А иногда можно было различить даже тени под ними. В той стороне в ясные дни виднелась встающая из-за

горизонта розоватая туча. Это дымил зестафонский феррозавод, переплавляющий марганец из Чиатуры. Под розоватыми клубами дыма – я знал это – бежала черная река Квирила. На свою беду она протекала мимо марганцевых шахт, и в ней промывали добытую руду. Помню, когда я в первый раз увидел угольно-черный поток, я испугался и поклялся в душе придумать что-нибудь, что спасет Квирилу, сделает ее такой же красивой, как наша речка...

Река

Весело болтая, она бежала по дну ущелья и вбирала стекающие с гор ручьи. Набравшись силенок, она меняла голос и катилась с шелестом и плеском, иногда недовольно ворча у крутых поворотов. С каждым поворотом сил становилось больше, и ее легкий веселый характер делался все своенравнее. Вот она с хохотом устремлялась на синюю угрюмую скалу, и ее взбитая чистейшая пена переполняла глубокую пещеру под скалой. Вот, наскучив самой себе, она разделялась на два рукава и разбегалась, оставляя посередине вытянутую, белую на солнце отмель. По крутым берегам росли склоненные к ней дубы, ясени, клены и ивы, бесконечные заросли ивняка со следами паводка на стволах и даже в ветвях, и она колебала их корни, раскачивала серебристые нити и, играя, отбрасывала на нависающие купы зеркально-подвижные тени.

К дальним границам нашей деревни река подкапывала в расцвете сил и красоты. Неширокая, но глубокая (местами не достать дна), она с веселой щедростью раздаривала нам свои запасы и выдумки: то громоздила в своем течении огромные валуны, похожие на купающихся бегемотов; то, прикидываясь скромницей, забивалась в тень под гору и, почти невидимая за нависшей зеленью, текла тихо, невнятно и скромно лопоча что-то.

Цвет ее был непостоянен и изменчив, как скорость течения и ширина. Бутылочно-зеленый, он густел и темнел на глубине, а в тени деревьев и скал пугающе отдавал чернотой. Были места, где совершенно неподвижная толща воды казалась пластом зеркально отполированного ма-

лахита. Этот жидкий малахит с шумом процеживался сквозь камни, похожие на запруды, сбегал в сузившееся русло и несся по скользким булыжникам – гривастая стремнина блистала и холодно отсвечивала голубизной. А, плавно разлившись по песчаному дну и измельчав, река становилась темно-золотистой, как липовый мед или как чай.

И в ее вкусе терпкость и сладость сочетались с горчинкой.

Вкус речной воды, вобравшей десятки горных ключей, раскрутившей десятки мельничных жерновов, утопившей на дне спелые желуди, кисти рябины и вязкую лесную палью...

Помню, как, еще не умея плавать, я бултыхался в пронизанной солнцем заводи. То замирал в стремнине и сучил ногами, то пятился, как рак, забредший в реку из горного ручья: какое-то время мы двигались рядом, но он сердито и коряво поспешал к берегу и исчезал под камнем, а я возвращался в стремя. Похожий на веретено усач стрелой пронесился под животом и щекотал меня. Два глупых бычка останавливались у моих рук, долго стояли в недоумении, вяло шевеля плавничками, и вдруг, испугавшись моей тени, стреляли в разные стороны. А выше по течению, где вода темнела от глубины, из реки выпрыгивал молодой карп и, сверкнув серебристым брюшком, плюхался на спину. И хотя я едва успевал разглядеть его, мне мерещилась шалая ухмылка рыбьего рта...

К вечеру река преображалась. Казалось, она замедляла бег и стихала. По бочагам и старицам орали лягушки, почти заглушая задумчивый плеск. Откуда-то прилетали голубые стрекозы и зависали над водой. Ущелье наливалось сумерками, и почему-то на душе делалось грустно-грустно.

Лес

Идем по грибы. Тропинка вытягивается в лес. Зеленый сумрак пробивают яркие вспышки солнца. Его серебряные снопы то длинно протягиваются сквозь чащу, то гаснут, отсеченные листьями. С ветки срывается потревоженная сорока и с раскатым треском взмывает вверх. Из гущи тянет грибницей

и прелью.

Сворачиваю с тропы, иду через густой подлесок. Это перепутанные колочками кизил, терновник и молодой орешник. Ниже них только красивые колонии папоротника. А выше – каштаны в прекрасной поре зрелости. Воздух прогретого леса густ и душист. Особенно сильно пахнут кусты желтой одури, млечный жар прямо-таки вытапливает из них сладкий, липкий запах.

Меж тонких стволов орешника открывается ежевичная поляна. Она круто уходит вверх и с первого взгляда кажется стеной. Ежевика опутала ее всю, то сбиваясь в огромные клубки, то расплзаясь длинными побегами. Ежевики так много, что собираю ее горстями и ем, не сходя с места. Колочки царапают ноги, цепляют за рубаху. словно кто-то дергает за рукав.

Вдруг на краю поляны под деревом вижу зайца. Он большой, откормленный, в холеной серой шкурке. Сидит на задних лапках, поводит головой и, кажется, что-то жуёт. Мое появление его не пугает. Какое-то время спокойно смотрит в мою сторону и шевелит губами – доедает. Потом неспешно пускается вскачь. Прыжки у него мягкие и упругие. Бросаюсь следом, но он как в воду канул. Лес смыкается над ним и, как ни в чем не бывало, смотрит на меня своими зелеными глазами.

Зачарованная поляна

Притаившаяся глубоко в овраге, она никогда не видела солнца, и ее влажный, глухой, рассеянно-зеленоватый сумрак был таинственным, как морское дно. Где-то рядом бежал по камням ручей. Невидимый в зарослях хвоща, он тихо журчал, заливался, как маленький колокольчик, а местами, бурля около обложенных мхом валунов, низко, по-голубиному, ворковал. Траву там никогда не косили, и она, не устояв, ложилась – спутанная, шелковистая, влажная. Заросли хвоща вокруг лужайки были такие густые и высокие, что казались непроходимым лесом. Его сочные стволы просвечивали, как мармелад. А в отдалении, над этими пышными мокрыми дёрями, над их свежей прохладой и тишиной, оживленном воркованием ручья, нависала скала,

и снизу было видно, как ее далекая вершина, будто находящаяся в другом мире, то белела, то розовела на солнце...

Родник

Утром первым делом я шел на родник. Родников насчитывалось в деревне с десяток, но я любил один – Нижний.

Он еще издали давал знать о себе. И не журчанием, не бульканьем, а ровным и влажным звуком тяжелой струи, падающей на камень. Затем струя эта живым серебром сверкала впереди, под ореховым деревом, и через несколько шагов в лошине открывалась вся зацементированная поверхность родника. Его замуровали прошлым летом, при мне. Я никак не мог привыкнуть к этому. Нижний родник всегда был открытым, и вода в нем стояла такая прозрачная, что казалось, маленький пустой бассейн просто прикрыт тонким, тщательно протертым стеклом. Сквозь это стекло можно было наблюдать занятные явления: на песчаном дне закручивались крошечные смерчи, в которых поблескивали крапинки слюды; то в одном, то в другом месте беззвучно всплывали серебристые пузыри; изредка дно как бы взбухало. Так в бассейн поступала вода. Теперь все это происходило под цементной крышей, и только итог – тяжелая, сверкающая струя, в три секунды наполняющая любые ведра – был налицо.

Больше ста лет бил, не иссякая, этот ключ, и мы не переставали удивляться его мощи и красоте!

Виноградник

Несколько раз за лето отец приезжал в деревню опрыскать виноградник. Я подсоблял ему мотыгой – полыл и окучивал лозу и кукурузу в междурядьях. А отец надевал голубые обноски, вскидывал на спину аппарат с раствором медного купороса и разгоряченным, отяжелевшим шагом рабочего человека шел под гору. Мурлыча песенку (такая уж это работа), он неторопливо бродил между прогретых кустов и накачивал, накачивал ручку опрыскивателя. А из шипелки на кончике подвижной трубки, с шипением распыляясь, бил раствор, и влажное голубое облачко колыхалось

над отцом и высокой сильной лозой и медленно оседало на них, покрывая голубыми веснушками и делая крапчатыми, как форель или некоторые птичьи яйца. Иногда отец смеясь направлял облачко в мою сторону или посылал за раствором – долить в аппарат. Взбираясь по склону, я видел наверху наш дом: с поднятой на сваи галереей, на фоне подгоняемых ветром деревьев и резво бегущих облаков, он походил на плывущий корабль! В липах вокруг него виолончельно низко гудели пчелы...

А осенью мы съезжались на сбор винограда.

Это не работа, а праздник!

Листья влево и листья вправо. Тускло поблескивают гроздья. От сладкого запаха першит в горле... Листья влево и листья вправо... Нас мало для настоящей песни, но песня все равно звучит – в звоне ведер, в поскрипывании корзин, в неумолчном шелесте и веселом пощелкивании виноградных ножниц, в сиплом, восторженно-глупом вопле осла, ворвавшегося в эти звуки.

Горы, как медом, залиты солнцем!

Полные корзины и ведра носим наверх и опорожняем в давящую. Гроздья скатываются с вкрадчивым, мягким шорохом.

К полудню давящая переполнена. Отец сдержал слово – проспиртовал ноги, я вместе с ним влезая на гору винограда.

Виноград слежался так плотно, что сначала я хожу по нему, как по полу. Потом слегка приподнялся и сильно надавил ступней. Под ногами хрустнуло, треснуло, проступил сок. Я надавил другой ногой и погрузился глубже. Я переступаю с ноги на ногу, как танцующий слон, и скоро подо мной чавкает, хлопает, чмокает, сопит, вздыхает... Меня начинает засасывать. Я с трудом вытаскиваю ноги из зеленой, сладкой массы, а по желобку в глиняные чаны вовсю течет мутный, сладкий ручей.

– Не мешало бы подкормить работника, – замечает бабушка. – Легковат он в давящие...

Она разводит огонь в тонэ. Хворост трещит, вспыхивает и, когда открывается поддувало, столб пламени взлетает к потолку. В свете зарева старый бездонный сруб выпячивает бревна.

На почерневших от времени стенах проступают вязанки перца...

Я работал, мял, давил виноград. Он постепенно уходил из-под ног. Я постепенно опускался все ниже, ниже и, наконец, коснулся дна давилни. Я ступал по дну, непривычно жесткому после вязкой и мягкой жижи, и орудовал деревянной лопатой – сгребал виноград в изголовье давилни и осторожно, почти любовно приминал его. И когда уже казалось, что из слежавшейся массы изюба не выдавить ни капли, сок снова потек по желобку.

Я сел на борт давилни, свесив за борт ноги, розовые, как у сизаря, и сладкие, как головки сахара. И тут же пчелы и всякая веселая мошкара слетелись к моим ногам...

Ферма

Я забрел туда в поисках пропавшего бычка.

Лес кончился сразу, и передо мной открылась большая зеленая долина. Право, она не могла быть ни зеленой, ни больше. Все пространство впереди точно задернули тяжелым бархатно-зеленым пологом в мягких складках.

Постепенно, не сразу, полог обрел глубину, и я увидел, что это зеленые горы, плавно и округло перетекая друг в друга, громоздятся до неба. Цвет гор не менялся от моих ног и до далекой вершины. Находка для живописца. Зеленый гобелен. Пейзаж без глубины. Тем не менее, я углубился в него и, обогнув пологий склон, увидел

белое приземистое строение фермы и разбредшееся вокруг стадо. Здесь оптический обман выражался еще сильнее: коровы и овцы были разбросаны по зеленой плоскости как на детском рисунке. Одни из них паслись высоко над фермой; другие ступали почти по крыше и, казалось, прямо из крыши выщипывали траву; третьи бодали ферму сбоку или подпирали ее крестцом. А самый нижний, пасущийся в двадцати шагах от дороги, оказался пропавшим бычком, которого я искал. Он недоуменно смотрел на меня и обиженно мычал.

Мельница

Я любил ходить на мельницу. Бревенчатая, подпертая слегой и стершимися жерновами, она виднелась в широкой пойме, над рекой. От нее за версту слышался громкий плеск – точно косяк щук бесновался в омуте.

Перед мельницей на лужайке стояли арбы – дышлом в землю. Быки степенно жевали кукурузную солому. Нерасседланный ишак понуро и скромно дожидался груза. В ожидании помола переговаривались с мельником мужики. Кто-нибудь из них ступал через порог в обнимку с шестипудовым мешком и, красный от натуги, вразвалку спешил к арбе. А в канаве под ивами журчала медленная вода. Ивовые прутья касались ее поверхности и, вдруг побелев, падали по желобам на лопасти. Лопасти вращали жернова. Потряхивая бункера, болтали клепни. Ста-

рый сруб трясся, как автобус на булыжниках. И подрагивали выстроившиеся у стены теплые мешки с мукой, закопченный фонарь на стене, трехногий столик с миской фасоли, кукурузной лепешкой и губастым кувшином...

Сквозь щели в полу тянуло сыростью, грозой. И до удушья пресно пахло кукурузным нутром.

Два исконно грузинских запаха – перемолотой кукурузы и сухой старой давилни...

Снег

Никогда не забуду рождественского снегопада, целый месяц продержавшего нас в деревне.

Снег пошел с вечера. Только мы легли спать, дом наполнился таинственным шорохом и тихим звоном. На недоуменный вопрос мне сказали, что это снежинки падают на черепицу. А деревянные стены усиливают звук. «Как в хорошей скрипке», – заметила мама.

Снег шел всю ночь. Наутро не сразу удалось открыть дверь, чтобы выйти из дома. Родители заволновались, опасаясь застрять в деревне из-за бездорожья. Их тревога не занимала меня. Выбежав во двор, я носился в белой круговерти, отгородившей нас от мира – он уменьшился до размеров двора.

Валило обстоятельно и неторопливо. Снежинки были почти к мою ладонь. Они медленно кружились в воздухе. Некоторые летели снизу вверх.

День. Другой. Третий...

Изредка снегопад прекращался, словно тот, кто его затеял, рассматривал проделанную работу. Пестрый, разноцветный мир сделался черно-белым. С каждым разом он становился белей. Наконец, только река на дне ущелья осталась черной. Черная река в белых берегах.

По ночам в доме что-то потрескивало, кряхтело. То тужились стропила под тяжестью снега. Однажды отец сходил за деревянной лопатой и полез на крышу. Я стоял у окна и видел, как он сбрасывал слежавшиеся комья. Снег падал с гулким стоном, взметая сверкающую пыль. Потом отец позвал меня и, когда я поднялся к нему, вручил мне лопату. Он боялся сломать обна-

жившуюся по краям черепицу, а мой вес ей был ни по чем. Я охотно орудовал лопатой – делал нужное, взрослое дело. А потом по совету отца прыгнул с крыши в накиданный сугроб. Первый раз я немножко испугался, но это тут же прошло. В восторге я выкарабкался из сугроба и снова полез на крышу...

До сумерек я лазил на крышу и сигналю оттуда в рыхлый сугроб. Одно меня удивляло – почему мама не вмешивается и не зовет меня домой...

Зимние игры уморили меня – и я уснул как убитый. А наутро узнал, что у меня родилась сестренка. И мы еще надолго задержались в деревне.

Таким запомнился январский снегопад в Верхней Имеретии. Говорят, снежные зимы не редкость в наших краях, но я больше не бывал там зимой.

Дождь

Дожди же я видел всякие.

Помню жуткие гремучие грозы, с приближением которых электрики вырубали свет по деревьям – в лиловой тьме молнии высвечивали сгрудившиеся горы и застигнутые врасплох деревья; помню ливни после засухи, низвергавшиеся не струями, а кусками воды, похожими на располозованных медуз; и долгие обложные дожди, когда окутанные облаками вершины гор, казалось, уносились на небо, река из малахитово-зеленой превращалась в глинисто-желтую, и в тазах, котлах и кумганах под стоками пело на разные голоса: ляка-лики-лики-лики-лики-лики-лики-лики-лики-лики-пуль-пуль-пуль-пуль-пуль-поум-поум-паум... Наш старый дом мок под дождем. Отяжелевшие облака цеплялись за деревья, и на душе делалось тоскливо и скучно...

Но, оказывается, дождь бывает веселый и радостный. Я видел такой в деревне.

...Мы пасли стадо на безлесой вершине нашей горы. Было очень жарко. Вдруг на чистом небе появилась маленькая тучка. Она стремительно неслась к горам. По равнине отчетливо и быстро скользила ее тень. Тень начала ломаться, взбираясь на горы, и к этому времени уже было видно, как из тучки льется дождь, струйками, словно песок

из решета, а книзу выгибаясь то влево, то вправо. Еще через некоторое время стало слышно, как дождь шумит в ближнем лесу, шумит все громче и громче, приближаясь и нарастая. От его темной тени несло прохладой. И, наконец, он налетел – крупный, теплый, шумный. В двадцати шагах светило солнце и сохла трава, но ей не перепало ни капли. Мы со смехом и криком выбегали из дождя на солнце, показывали солнцу языки и опять вбегали в дождь. Телята скакали неуклюжим галопом, мотая головами и размахивая мокрыми хвостами...

Веселая тучка ушла к другим горам. Наверное, она скоро растаяла, вылив все запасы дождя. Но до сих пор воспоминание об этом мимолетном ливне радует меня...

Полеты во сне и наяву

В детстве я летал во сне. Мне и сейчас иногда снятся полеты. Но это уже не то. Теперь я падаю. Падаю из окна или с крыши, падаю на камни и в болото, кишашее змеями. И когда уже сердце не выдерживает невыносимо длинного падения, когда сводит нутро от жесткости нарастающих камней, просыпаюсь в холодном поту...

А тогда не было страшно...

Как странно – я родился и вырос в Тбилиси, но никогда в своих снах не летал над городом – только над горами, открывавшимися с нашей безлесой вершины, похожей на зеленого кита.

Помню, как почти против воли меня плавно уносило вверх, и мне трудно было приземлиться. Когда я залетал слишком далеко, я начинал снижаться. Но сильный поток воздуха, идущий от земли, не подпускал меня к земле. Я делал усилие и снижался на несколько метров. Меня относил немного назад. Я опять всем весом рвался книзу, еще и еще, и, наконец, достигнув верхушки самого высокого дерева, хватался за нее. Ноги мои оставались в воздухе. И так, вверх ногами, почти в вертикальном положении, я начинал притягиваться к дереву на руках. Но иногда меня срывало и, как пушинку, уносило вверх...

Когда созревала черешня,

бабушка начинала опасаться, как бы я не упал с дерева, и говорила мне, что если она не прикажет дереву, то, как только я влезу на него, дерево улетит. Я не сомневался, что так оно и будет.

Но было в саду одно высокое дерево, которое не подчинялось бабушке. Черешня на нем росла крупная и красная до черноты.

Однажды, просидев в тени под этим деревом все утро, я подошел к нему и полез вверх. Сначала все шло хорошо. Я ел вкусную мясистую черешню и сплевывал вниз косточки... Вдруг откуда-то налетел ветер. Я зажмурился от сладкого ужаса и прижался к стволу. Дерево вздрогнуло, напряглось, замало ветвями, как крыльями, сильно потянулось вверх и, вырвав из земли копну корней, плавно и ровно ушло ввысь, в воздух, и полетело, полетело, медленно переворачиваясь и помахая ветвями...

Порыв ветра ослаб. Я верхом сидел на ветке как раз в том месте, где она вращалась в ствол и, обхватив ствол обеими руками прижимался к его прохладной, шершавой в красную крапинку коре. Правая рука моя была запячкана раздавленной черешней. Дерево чуть-чуть подрагивало, как бы после полета, но стояло на земле. А сквозь его ветви, далеко, за высоким частокотлом была видна черепичная крыша дома...

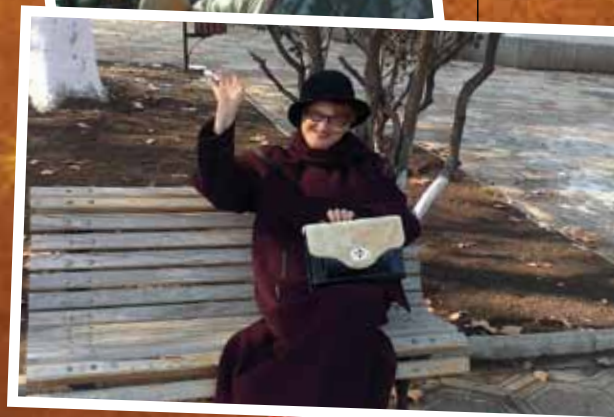
После этого случая мне стало казаться, что я полечу, стоит только оторваться от земли.

Хотелось взлететь с вершины горы, на которой мы пасли скот.

И однажды, когда сзади, за мной, садилось солнце и все, даже белые бараны, казалось красным, я решил. Ветер, толкавший в спину, увеличивал уверенность в том, что я полечу, стоит только чуть подпрыгнуть...

Нет, я не полетел. Я упал. Когда я особенно азартно попытался нарушить земное притяжение, я упал и больно ударился подбородком.

Но до сих пор у меня осталась уверенность, что я просто недостаточно высоко подпрыгнул в тот раз...

Дина Балакирева служит в Грибоедовском уже почти полвека. Она работала реквизитором, старшим помощником режиссера, заведующей труппой под руководством Сандро Товстоногова и Гизо Жордания, Левана Мирцхулава и Гоги Кавтарадзе, а ныне – Авто Варсимашвили. И всегда была (и остается!) в числе тех, кого смело можно назвать верными почитателями и ревнителями высоких традиций русского театра в Грузии.

Сердечно поздравляем Дину Балакиреву с юбилеем!

Желаем крепкого здоровья, долголетия, всего самого-самого доброго и лучшего!

АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ: «НИЧЕГО НЕ БОЙТЕСЬ»

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Есть режиссеры, чьи фильмы вам нравятся, близки, но не попадают в сердце, а есть мастера, чье творчество не то, что не оставляет равнодушным, но бьет по нерву, по вискам. После просмотра таких фильмов трудно дышать, но есть над чем задуматься, а потом и найти тот самый смысл. И у каждого он свой! Андрей Звягинцев – именно такой автор.

«Ничего не бойтесь, наоборот – смело идите к своему страху!» – это, пожалуй, самое важное и вневременное послание, которое выдающийся российский режиссер и сценарист Андрей Звягинцев высказал в Грузии. Всемирно признанный мастер, который недавно буквально вернулся с того света после продолжительной и тяжелой болезни, в сентябре посетил сразу два грузинских города – Тбилиси и Батуми. Конечно, презентация книги «Путь фильма. «Апокриф» Андрея Звягинцева», написанной сценаристом и продюсером Семеном Лященко об увлекательном процессе создания короткометражной новеллы режиссера к киноальманаху «Нью-Йорк, я люблю тебя», – это был только повод увидеться. Зато какой прекрасный повод! Два с половиной часа горячих раз-

говоров со слезами, смехом и подробным разбором творчества Звягинцева, а еще – слова о том, как всем нам сейчас нелегко, да что там нелегко – сложно, одиноко и страшно, и непонятно, как жить дальше. Обо всем этом и многом другом Андрей Звягинцев откровенно рассказал грузинским киноманам.

Для тех, кто вдруг (и к сожалению) еще не знаком с творчеством уроженца Новосибирска Андрея Звягинцева, о нем надо знать три главные вещи: он автор пяти пронзительных драм – «Возвращение», «Изгнание», «Елена», «Левиафан» и «Нелюбовь», настолько правдивых, честных и нервически оголенных, что от просмотра по телу бегут мурашки; Звягинцев – обладатель главного приза Венецианского (дважды) и лауреат Каннского

кинофестивалей, двукратный номинант на премию «Оскар»; у Звягинцева нет профессионального кинообразования – он выпускник актерского факультета ГИТИСа, но в театр не пошел, так как, по его собственному признанию, «в ту пору театр его разочаровывал, потому что стал заискивать перед зрителем и выпускать «продукт», вместо того, чтобы заниматься искусством». Потом он, увидев «Приключение» Антониони, без памяти влюбился в кинематограф, смотрел в Музее кино ретроспективы Годара, Куросавы, Бергмана, Антониони и сумел изучить этот мир настолько, что вскоре и сам стал снимать невероятные картины.

ЗВЯГИНЦЕВ И ГРУЗИЯ

Впервые Андрей Звягинцев оказался в Грузии сравнительно недавно, в 2017 году. И, по собственному признанию, сразу пожалел, что не попал сюда раньше. А приехал он в Тбилиси по приглашению выпускника Тбилисского университета театра и кино им. Ш. Руставели, ныне уже кинорежиссера, Вахо Джаджанидзе, который и показал ему город. «Это было хорошее путешествие, – вспоминает Звягинцев. – Сильные, интерес-

ные впечатления. Мне удалось услышать грузинское многоголосие, узнать, что такое настоящие хинкали, красное, белое, сухое вино. Правда, это была короткая поездка – дней пять. Но мне понравилось. И улицы, и люди, их добродушие и теплота. Город дышал этим».

По словам режиссера, он, разумеется, застал тот прекрасный период, когда по телевизору и на больших экранах показывали грузинское кино, особенно, чарующие черно-белые короткометражки: «Я помню, как можно было наслаждаться этим зрелищем. Может, не вспомню всех имен, кроме самых заметных, – Отар Иоселиани, Сергей Параджанов, Ираклий Квирикадзе... Но помню свое ощущение: я сравнивал грузинское кино с итальянским неореализмом 60-70-х. Это было какое-то не совсем советское кино. Например, «Листопад» или «Пастораль» Иоселиани. Отдельно стоящее кино».

Кстати, так уж случилось, что в выздоровлении кинорежиссера ключевую роль сыграли бактериофаги и, в частности, опыт специалистов данной отрасли из грузинского Научно-исследовательского института бактериофага, микробиологии и вирусологии им. Г. Элиава.

Дело в том, что в июле 2021 года Андрей Звягинцев заболел ковидом. Легкие режиссера

были поражены на 92 процента, он находился на аппарате ЭКМО, начался сепсис. Состояние было настолько тяжелым, что врачи даже планировали пересадку легких. В августе Звягинцева вывезли на лечение в клинику в Ганновере, где ввели в искусственную кому, которая продлилась 40 дней.

«Прямо скажу: я бы не сидел здесь, если бы не бактериофаги, – признается он. – Я реально умирал, внутренние органы уже отказывали. Когда я был в коме, врачи исследовали мою кровь и выяснилось, что бактерия клебсиелла (это адская вещь, просто кошмар) зацепилась и никак не выходила. Она была резистентна ко всем 22 антибиотикам. Но, на мое счастье, в группе врачей, которые мною занимались, оказался парень из Астрахани, который учился в Москве, в лаборатории – филиале вашего тбилисского Института бактериофагов. Он и предложил попробовать бактериофаги. И моя лечащий врач, а вы понимаете, что протокол для врача в Германии – это то, что нерушимо, пошла, что называется, на подвиг, риск и, не зная ничего о бактериофагах, сказала: если это совсем безвредно (а он ее убедил в этом), давайте сделаем. И бактериофаги меня спасли. Точнее, аутофаги – когда на основе твоей бактерии выводится антител. Он вытянул меня из небытия.

А сейчас в профилактических целях мною занимаются уже здесь, в Тбилиси, ваши специалисты. И я им очень признателен».

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

После жуткой болезни, долгого лечения и выздоровления в Германии и Франции Андрей Звягинцев решил остаться в Париже. К сожалению, этому решению предшествовало не только жизненно необходимая на тот момент реабилитация режиссера после недуга. Случился ужасный февраль 2022 года.

«Я войну называю войной, – отмечает Звягинцев. – И никто не заставит меня артикулировать это иначе. В феврале я был в Германии, был лежачим, полгода не вставал с кровати, не мог двигаться, был чистый ад. То мое физическое состояние пришлось именно на февраль 2022-го. И вскоре ко мне пришло понимание, что я не могу себе позволить вернуться в страну, которая ведет такую страшную войну со своим некогда добрым соседом. Это просто беда и горе сознания для русского человека, для русской ментальности, страшная катастрофа, о которой очень трудно говорить, подбирая слова, которые хоть как-то бы смягчили эту горькую пилюлю. Я остался в Европе и живу сейчас в Париже. Начинаю осознавать, что происходит окрест меня, как разворачивается жизнь, куда мне ее повернуть и чем заниматься. Это трудный хлеб добровольного изгнания или невозвращенца в эмиграции. Но я не могу жаловаться, потому что как-то удается справляться с проблемами. И тем более я понимаю, как тяжело другим».

На вопрос из зала, скоро ли режиссер вернется в Россию, Андрей Звягинцев честно ответил, что это «скорее всего, надолго». «То, что случилось, настолько катастрофично, что вернуться к доверию, уважению и прочему, требующемуся для совместного бытия таким разным теперь странам, очень трудно. Представить себе какой-то возврат к норме у меня не получается... Тяжелая ситуация. Однако я везде говорю и подчеркиваю, что не могу привыкнуть к моему настоящему состоянию – изгнанника, самоизгнанника или эмигранта. Я всю свою жизнь был уверен, что буду жить в России. У меня даже

Кадр из кинофильма «Нелюбовь»

А. Звягинцев и А. Хатишвили

нет знаний иностранных языков. Могу заказать блюдо в ресторане. Но говорить так, как я общался со своими соотечественниками, с друзьями, обмениваться идеями, говорить всерьез не могу. Поэтому, конечно, я ощущаю себя в Европе чужаком. И еще, я уверен, не надо никого осуждать – ни тех, кто уехал, ни тех, кто остался».

К слову, само понятие дома, как говорит Андрей Звягинцев, ему в некотором роде незнакомо. Во время учебы в ГИТИСе жил в общежитии. Работал дворником, сторожем в детском саду. Случались дни, когда у него не было даже пятика на метро, и он шел пешком на окраину города, где ночевал в брошенном грузовике. Потом, когда появились какие-то средства, снимал квартиру. «Ну, как квартиру – угол у замечательной хозяйки Маргариты Васильевны, которую помню до сих пор, – вспоминает Звягинцев. – Потом съём квартиры за квартирой. Мы как-то с женой посчитали: с 2006-2007 года, с тех пор, как стали жить вместе, за 16 лет мы поменяли 11 квартир. То есть, дома у меня не было никогда. За вычетом того счастливого момента, когда я понял, что роялти – это миф, что если ты занимаешься авторским кино в России, ты никогда не сможешь заработать себе на квартиру в Москве. И тогда я сказал: никакие роялти мне не нужны, дайте мне воооот

такой гонорар (широко разводит руками). Продюсер Александр Роднянский, даже не поперхнувшись, сказав «о'кэй». И на эти деньги я, наконец, купил себе квартиру. И очень скоро с ней пришлось расстаться».

Впрочем, для Звягинцева дом – это не мебель и не занавески, а когда он на месте, чувствует себя целостно, в согласии с самим собой и занят делом. «Дом – это когда продюсер говорит: «Ну что, Андрей, запускаемся, работаем над этим фильмом!». Я начинаю дышать, видеть пространство вокруг людей, которые со мной работают, начинаю влюбляться в них и строить свой дом. Это может поэтично звучит, но, черт побери, ничего не поделаешь, так оно и есть».

БЫТЬ ДЕРЗКИМ

И все же, при всех личных, житейских и мировых сложностях, свет в конце туннеля всегда есть (Звягинцеву-то этого не знать!). Надо просто в него верить, утверждает режиссер. И повторяет: обязательно заниматься своим делом! «Я думаю, что только дело спасает, – уверяет он. – Надо взяться за работу, только тогда ты встанешь и почувствуешь почву под ногами. Как только начинается какой-то проект, ты оживаешь, начинаешь дышать, чувствовать смысл». А еще важно ничего не бояться, более того – быть дерзким. Подобный «дерзкий шаг», по его словам, случился с ним прямо на съемочной площадке «Возвращения», когда одна из сцен напомнила Звягинцеву образ Сына Божьего с известной картины итальянского художника эпохи Возрождения Андреа Мантеньи. «Если вы помните фильм, там есть сцена, когда дети открывают дверь и видят в спальне отца. И вот это был Мантеньи, – вспоминает мастер. – Я помню свои чувства, когда мы выстроили этот кадр, уложили актера Костю Лавроненко, накрыв его простыней, и даже складки сделали ровно так, чтобы повторить мизансцену Мантеньи «Мертвый Христос». Увидев это в мониторе, я испугался. Объявил обед, и в течение 45-ти обеденных минут думал, могу ли я на такое покуситься? В итоге все «Возвращение» было схвачено чувством дерзновения. Я понимал, что могу снять просто

фильм про какую-то семью, которая куда-то едет на автомобиле, такую бытовую историю про то, как отец ушел из семьи. Или же могу пойти по пути дерзости, дерзновения во всех частях и аспектах произведения в длительности кадров, в разворачивающемся в них ритме. Я знал, что в первом случае просто сделаю какой-то очередной фильм. А если поведу другой дорогой, то меня может ждать полное забвение, разочарование и поражение, но там же может ждать и победа. Поэтому ничего не бойтесь. Жизнь – одна единственная, я недавно это на себе испытал. Она такая короткая, что могла с легкостью оборваться два года назад, а теперь можно дерзать и дальше».

ВЛИЯНИЕ ТАРКОВСКОГО

Между прочим, именно после того, как первая режиссерская работа Андрея Звягинцева, «Возвращение», была удостоена главного приза Венецианского кинофестиваля «Золотой лев», а также национальных премий «Ника» и «Золотой орел» за лучший фильм года, некоторые критики и журналисты стали сравнивать Звягинцева с Андреем Тарковским. Об этом, в частности, писал кинокритик Андрей Плахов, который провел параллели между «Ивановым детством» Тарковского, получившим «Золотого льва» в 1962 году, и «Возвращением» Звягинцева, которая в 2003 году в Венеции была удостоена, помимо «Золотого льва», еще четырех призов: приз CinemAvvenire за лучший первый фильм, приз Луиджи ди Лаурентиса «Лев будущего», премия SIGNIS Award, приз Sergio Trasatti Award. «Это, конечно, делало мне честь и было удивительным, – признается Звягинцев. – Ты снял первый фильм, и тебя тут же поднимают на пьедестал. Такое не вызывать гордость. Но со временем я понял: это совершенно ненужная идея. Ни мне, ни аудитории такие «свечения» не нужны. Я, например, их и вовсе не нахожу. Хотя, без сомнений, прекрасно понимаю, что Тарковский – это такой магнит, излучение такой мощной энергии художественного выражения, что очень многие режиссеры, российские и не только – Ларс фон Триер, Иньярриту и многие

другие – ссылались на то, что подсели на его влияние. Так что невозможно сказать, что Тарковский не влияет».

Однако после фильма «Изнанение» режиссер дал себе слово «больше не попадать в эту ловушку», не рассказывать, что и каким образом связывает его с Тарковским. «Одно могу сказать, – резюмирует режиссер, – для меня это великое имя и могучий художник. Вот, собственно, и все. Дальше – только различия. Мы просто делаем другое кино, дышим другими интенциями».

РЕАНИМАЦИЯ «ЮПИТЕРА»

«Другое кино», конечно же, делается. Вы слышали про последний проект режиссера – «Юпитер»? В сентябре 2019 года журналисты со ссылкой на заявление кинокомпании Nure Film поспешили сообщить, что весной 2020 года Андрей Звягинцев приступит к съемкам нового фильма, в основе которого должна была лежать «драматическая история благополучного, состоятельного человека средних лет, у которого, казалось бы, есть все, о чем можно мечтать: успешная карьера, богатство, сын, жена, красивый дом на берегу Средиземного моря». По разным причинам проект не состоялся и был заморожен. «Мы работали восемь месяцев, нашли локации в Европе, проект

встал на ноги. Нам оставалось каких-то четыре месяца для выхода на съемочную площадку в 2020 году. И внезапно проект закрыли. Потом последовали все эти страшные события. Для меня так просто в одном флаконе и пандемия, и болезнь, и война. Все это скрутилось в жуткий, адский тройной одеколон... Но жизнь ведь продолжается. И сегодня мы стоим на пороге реанимации проекта «Юпитер». Я очень надеюсь, что этой осенью или в начале декабря мы стартуем. А уже весной 2024-го выйдем на съемочную площадку».

Но все зависит от кучи обстоятельств, подчеркивает Андрей Звягинцев. Потому что сегодня все круто изменилось: и европейский, и американский контекст. А у «Юпитера» продюсеры иностранные, в том числе, американские. На Западе же все по-другому. Авторская, режиссерская свобода там совсем иная. «Это совершенно другое кинопроизводство, нежели то, которое было привычным для меня в России», – говорит Звягинцев, отмечая, что российские продюсеры давали ему больше творческой свободы, в то время как в Америке он ведет с продюсерами целые битвы.

И, напоследок, о той самой свободе выбора. На вечерне автору фильма «Нелюбовь»

задали, наверное, один из самых частых вопросов: о судьбе главного героя ленты. Мальчик Алеша живет в современной московской семье, папа с мамой собираются развестись, но не могут решить, с кем оставить сына. В результате бесконечных конфликтов и взаимных обвинений они жестоко пренебрегают ребенком, а Алеша, ощущая полную ненужность обоим родителям, чувствуя нелюбовь, после очередной ссоры вдруг бесследно исчезает.

«Меня очень интересует судьба мальчика. Что с ним на самом деле произошло? Он все-таки умер или жив?» – спросила зрительница и... расплакалась. «Конечно, жив, – поспешил успокоить ее режиссер. – Без сомнения. Ровно для того, чтобы думать и так, и этак, создана такая концовка. И каждый для себя решает, кто же лежит в том морге – мальчик или все же не он. Любой ответ – умер или нет, мгновенно закрывает конструкцию фильма, превращая ее в шар, в который уже нельзя проникнуть. А открытость формы предполагает надежду».

И кинорежиссер Андрей Звягинцев тут чертовски прав, ведь настоящее искусство для того и существует, чтобы мы находили в нем свет и надежду.

Иначе зачем все это?!

Малый (слева) и Большой Михайловские мосты

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

На право называться родным городом этого архитектора претендуют два города – швейцарский Лугано и итальянская Падуа. А вот где закончил свой жизненный путь Джованни Скудиери, известно точно – в грузинской столице Тбилисе, нынешнем Тбилиси. Став первым, кто придал застройке этого города европейский облик.

Родился он в 1816 году в многодетной дворянской семье. Отец его – офицер, служивший в Падуе, которая относилась тогда к Австрийской империи, мать – из купеческой семьи в Лугано, в италогворящем кантоне Швейцарии. Жила семья по месту службы ее главы, где родились четверо братьев и две сестры Джованни. А он, получив начальное образование, в 15 лет поступил в Императорское королевское высшее училище и занимался у «городового инже-

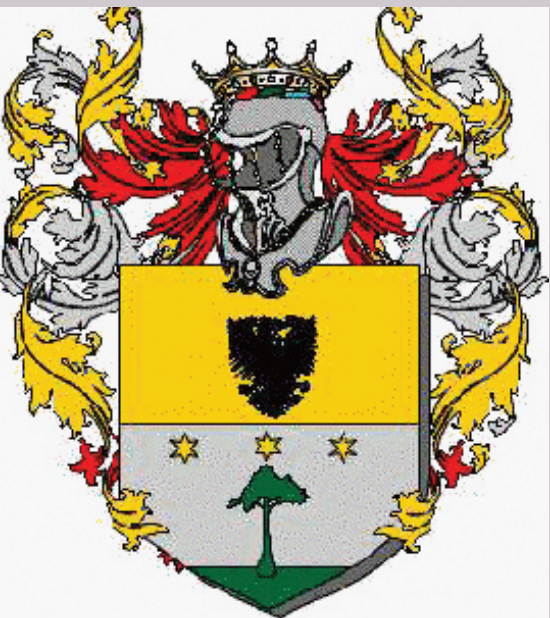
нера» Падуи Пьетро Бузинани, проявив «хорошие познания в физике, высшей математике, в рисовании, а в особенности в архитектуре, при хорошей нравственности».

После окончания училища юноша практикуется у мэтра Бузинани, тот подчеркивает в выданном им свидетельстве, что Джованни «возложенные на него поручения, относящиеся до инженер-землемерства и архитектуры, исполнял всегда в точности и показал себя способным в знании этой науки». Вывод, к которому приходит опытный специалист: истинным призванием парня является архитектура. Так что решение семейного совета Скудиери понятно: Джованни должен посвятить себя именно ей.

Правда, для этого его отправляют в... Одессу. Почему в столь далекий от Италии город? Да потому, что и в те времена

для начала успешной карьеры помощь близкого человека не могла быть лишней. А именно в Одессе преуспел родной брат матери, выпускник Высшего училища – Джордано Торичелли. Архитектор, находящийся на отличном счету у тамошнего генерал-губернатора, графа Михаила Воронцова.

Торичелли приехал из Лугано в четвертый по населению город Российской империи в первой половине 1820-х годов и прослужил там свыше 18 лет. Его имя значится даже в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона – среди тех, кто внес «значительный вклад в дело развития архитектуры города». Этот родственник, которого вполне можно назвать «дядей самых честных правил», спроектировал немало. Торговые ряды на Старобазарной площади, архитектурный ансамбль Пале-Рояль на Театральной площади, так называемый дворец

Герб рода Скудиери

Камо на Тираспольской площади, здание Английского клуба, пятикупольная Сретенская церковь на площади Нового рынка, музей древностей в Керчи, церковь в Ялте и в селе Мошны...

Лучшего наставника для Джованни трудно представить. А поле деятельности для архитектора в тогдашней Одессе было огромным. Создавался практически новый город, по европейским стандартам, и 16-летний Джованни отправляется навстречу славе. Через захваченный турками греческий город Смирну и Константинополь он добирается до Одессы, там активно помогает дяде в работе, а затем отец присылает ему из Падуи документы о его учебе в Высшем училище и полученной практике.

Эти бумаги нужны для начала самостоятельной работы. Ведь в Российской империи «не допускались к постройке зданий» те, у кого не было «звания архитектора или свидетельств от Академии художеств, либо от департамента строительства морского министерства, или департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий» о том, что он имеет «достаточные сведения дабы заведовать работами». Документов, присланных из Падуи, для этого вполне хватило.

И в августе 1837 года Скудиери начинает работать «вольнопрактикующимся архитектором» в Одесском строительном комитете. Меньше, чем через три года он – городской архитектор

при чертежной этого комитета (фактически специальном архитектурно-строительном учебном заведении). А затем – «член по части искусственной в Комитете построек для главного училища садоводства».

Чтобы избежать неясностей, надо уточнить: городской архитектор не имеет никакого отношения к полицейскому городовому. Это – старое название должности городского архитектора, который непосредственно подчинялся Городской управе и был чиновником X класса, приравненным к коллежскому секретарю, а в армии – к штабс-капитану или ротмистру. Кстати, чин коллежского секретаря был у поэта Александра Пушкина, писателя Ивана Тургенева, композитора Модеста Мусоргского.

В чертежной Скудиери был и управляющим, и закупщиком мебели, инструментов, бумаги, красок, и даже педагогом – там было 8 ученических мест. И молодой итальянец отлично прояв-

ляет себя «в преподавании курса строительных наук и архитектуры». Его ученики, получавшие оклады чертежников, очень помогали городским архитекторам. А сам он, «разделявший труды покойного Торичелли по архитектуре сряду около 11 лет», сделал проекты доходных домов на улицах Жуковского и Преображенской, магазин Скальковского, завершил спроектированные его дядей строительства Сретенской церкви на Новом базаре и Главного училища садоводства в Ботаническом саду.

К сожалению, по разным причинам, не удалось реализовать его проекты театра князя Гагарина, подвесного моста протяженностью около 120 метров в центре города, водопровода для полива улиц Одессы морской водой... Но и без этого одесситы называют его имя наряду с известными зодчими своего города. А граф Воронцов отмечал, что проектирование значительных сооружений «возлагалось

Джованни Скудиери. Портрет работы современного художника Гиви Агапишвили

Церковь, спроектированная Дж. Торичелли в селе Мошны

всегда на Скудиери». И, уехав в 1845-м на должность наместника Кавказа, писал из Тифлиса в Одессу, оставшуюся в его подчинении: «По крайней необходимости здесь в архитекторе, сделать распоряжение об отправлении сюда управляющего чертежною Одесского Строительного Комитета архитектора Скудьери, изъявившего желание служить в Закавказском крае».

Да, Джованни изъявил такое желание потому, что чувствовал в себе силы для дальнейших успехов. А Тифлис «под крылом» Воронцова давал для этого большие возможности. Вот и пишет архитектор наместнику Кавказскому: «Я однако ж пламенно желал бы иметь несколько обширный круг для показания моего усердия и моих способностей... приемлю смелость обратиться к Вашему Сиятельству со всеижайшею моею просьбою... назначить мне, по благоусмотрению Вашему, занятия по архитектурной части в новом Высочайше вверенном Вам крае».

Меньше чем через месяц после переезда в Тифлис, весной 1846 года 30-летний Скудиери назначается исполняющим должность городского архитектора. В его обязанностях – наем «вольных чертежников и кондукторов для частых разъездов по делам службы по городу и предметам онаго», составление смет и проектов отдельных зданий, контроль за перестройками, исправлением повреждений. И уже в 1847-м Тифлисская губернская строительная комиссия сообщает Воронцову: «Скудиери все

возлагаемые на него поручения по должности городского архитектора исполняет с постоянным усердием и с совершенным знанием своего дела, посему строительная комиссия... покорнейше просит об утверждении его настоящим городским архитектором».

В том же 1847-м Джованни, которого многие зовут на русский лад Иваном Борисовичем, просит о подданстве России. И, по ходатайству графа Воронцова, царь дает свое дозволение на это, причем, еще с 1837 года – со дня начала работы архитектором в Одесском строительном комитете. А к обязанностям Скудиери добавляется и только что учрежденная должность архитектора карантинно-таможенной части при канцелярии наместника. Это значит, что он составляет про-

екты и сметы карантинно-таможенных застав Закавказья и «освидетельствует работы, кои проводились».

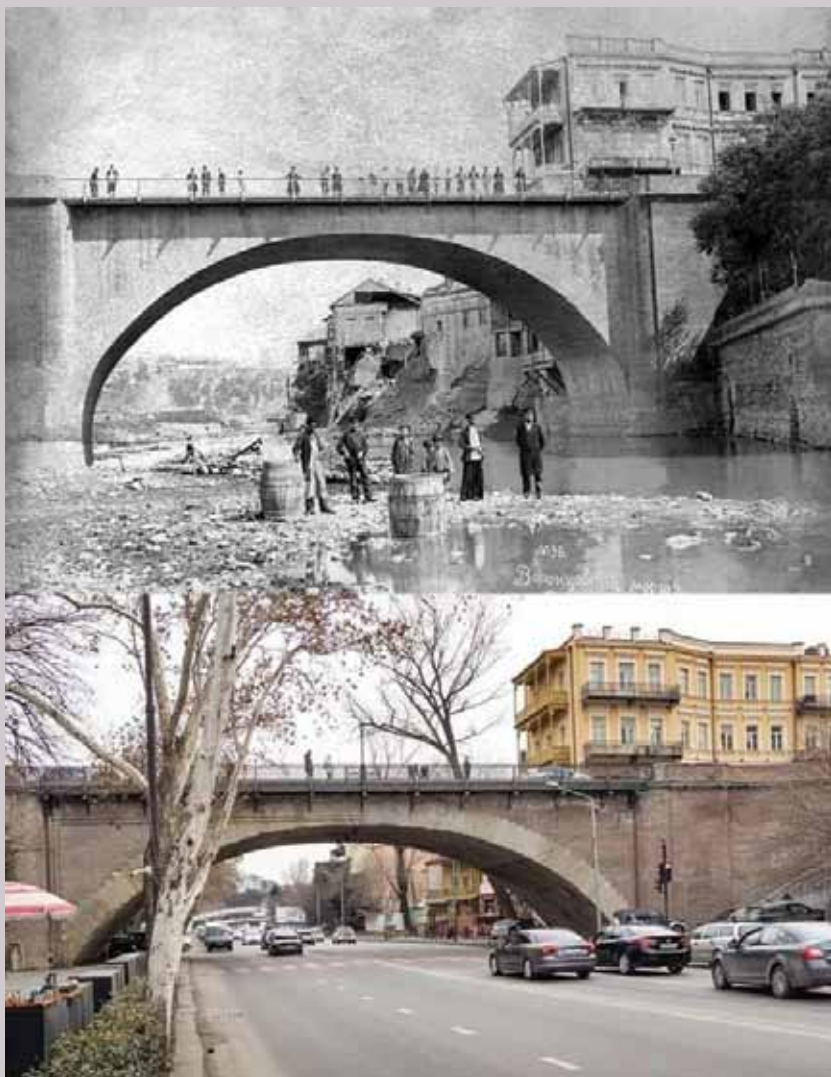
Джованни Скудиери жил в Тифлисе немногим больше пяти лет и успел сделать немало. На площади Паскевича-Эриванского, оставшейся в народе просто Эриванской, по его проекту построено здание полиции, которое многие называли «Городским домом» или «домом Скудиери» – архитектор и сам переселился туда из дома Агаджанова на Баронской (ныне Пурцеладзе) улице. В сильно перестроенном виде это здание дошло до нас как Сакребуло. Да и всю свою нынешнюю планировку главная площадь столицы, некогда являвшая собой неухоженный пустырь с огромным оврагом, приобрела благодаря Скудиери.

Сохранились дошедшие до нас перестроенными несколько зданий бывшей больницы – там, где сейчас улица Пастера (Аптечная) упирается в улицу Узнадзе (Великокняжескую). В слегка измененном виде сохранилась и мечеть возле Ботанического сада, фактически заново созданная по проекту Скудиери. Другая мечеть – у Метехского моста, тоже считавшаяся творением Джованни, разрушена в начале 1950-х.

Но не сохранились ни «Благородное собрание», на фундаменте которого построено было первое здание Кавказского музея, ни пристройки с галереями и лавками к караван-сараяу Зубалашвили – на левом берегу Куры

«Городской дом» на Эриванской площади

Сухой мост в позапрошлом веке и сейчас

у Метехского моста, ни казенная аптека за зданием полиции, ни пара двухэтажных домов близ Головинского проспекта, принадлежавших горожанам Петросу Едигарову и Осане Аракеловой...

Не удалось построить и здание Закавказского девичьего института, торжественно открытого в Тифлисе еще в 1842 году, но не имевшего собственного помещения и разместившегося в частном доме. В 1846-м Скудиери, составив по поручению Воронцова соответствующие проект и смету, передает их для рассмотрения в Тифлисскую строительную комиссию. Но сумма, необходимая для возведения, признается чересчур большой. Наместник пытается найти для строительства спонсоров, но неудачно. И, несмотря на весь его авторитет, «постройка здания была отложена до более благоприятного времени». Для Скудиери это время так и не наступило.

Был еще очень интересный проект городских купален на Мадатовском острове, который разделял Куру на два рукава. Но реализовать его не удалось. Зато с Мадатовским островом связаны две из трех самых знаменитых и значительных работ Скудиери в Тифлисе. Это уникальные по тем временам мосты через Куру. Сначала, в 1851 году, появляется однопролетный мост из тесанных камней и кирпичей, связывающий с островом Александровскую площадь перед одноименным садом. Высота моста – 32 метра, длина – 33, ширина – около 11 метров. А 34-метровый пролет считается самым большим среди каменных мостов во всей Российской империи.

Через три года вступает в строй продолжение этого моста – с Мадатовского острова на левый берег реки к району Кукия – в пять пролетов, длиной в 107,6 метров и шириной чуть более 9

метров. Это был первый каменный мост, построенный в Тбилиси на Куру. Воронцов дал ему имя «Михайловский» – в честь святого Архистратига Михаила, в день памяти которого было освящено это сооружение. Соответственно, однопролетный мост стали именовать «Малым Михайловским». В 1896 году мосты обрели название «Николаевские», в XX веке на большой обрушилась волна переименований – Воронцовский, Кукийский, Чугуретский, Маркса, Саарбрюккенский, а с 2022 года (о чем мало кто знает) – имени литератора и историка Гурама Дочанашвили.

Однопролетный же сохранил имя Николаевского до 1938 года, когда рукав Куры под ним осушили, и народ назвал его «Сухим». Глас народа, как известно, – глас Божий, так что это название самого старого из существующих тбилисских мостов прижилось и в официальной топонимике. В основание одного из устоев большого моста была заложена бронзовая памятная доска, а в последний ключевой камень арки малого – аж серебряная. На них – даты строительства этих сооружений. Как бы его не переименовывали официально, большой мост был и остается для горожан Воронцовским. Ну а на месте бывшего Мадатовского острова сегодня расположились парк «Дэда эна» и Дворец юстиции.

Эти мосты имели огромное значение для развития градостроения. С их появлением образовалась 600-метровая магистраль от Александровской площади (ныне – сад имени Георгия Леонидзе) до Николаевской (сейчас – Иванэ Джавахишвили) улицы. Магистраль связала центральную, активно застраиваемую часть города на правом берегу со стремительно развивающимися левобережными районами Кукия, Чугурети, «Немецкая колония». А центрами упорядочения застройки там стали Воронцовская (Саарбрюккенская) площадь, Михайловский (Агмашенебели) проспект и Кировная (Марджанишвили) улица.

Несмотря на то, что несколько просьб Скудиери об улучшении его материального положения не были удовлетворены по чисто бюрократическим причинам, в целом обижаться он не мог. Во-

Большой Михайловский мост

Воронцов назначил ему добавку в четверть оклада, то есть, в 225 рублей к жалованию, деньги, прямо скажем, немаленькие. В 35 лет он получил орден Святой Анны 3-й степени, дававший право на 100-рублевую пенсию. А еще у него было то, что сегодня назвали бы частным бизнесом или гешефтом.

В августе 1847 года архитектор сообщает наместнику Кавказскому, что предложил крупнейшей австро-венгерской судоходной компании из Триеста «Австрийский Ллойд» отправлять пароходы в Редут-Кале. И в благодарность за это компания хочет сделать его своим агентом, а он «считает долгом испросить разрешение Его Сиятельства на принятие на себя этой обязанности». Сейчас бывший Редут-Кале – село Кулеви в Хобском районе, а тогда был портом-крепостью, основанным севернее Поти для защиты Самегрело от турок. В 1846-м ему дали статус портового города.

Воронцов дает разрешение быть «иноагентом», и в «Кавказском календаре» появляются сообщения о том, что «открыто в г.Тифлисе, с дозволения начальства, Агентство Австрийского Ллойда, управлять коим уполномочен Архитектор Иван Борисович Скудери». Отдельного офиса для этого приработка нет, приводятся адреса и на Баронской улице, и «собственного дома на Эриванской площади, в прежних полицейских зданиях».

Но главное поле деятельности Скудиери, конечно же, архитектура. И основное на этом поле – третья из его самых значительных работ, городской театр на Эриванской площади. Возвести

первое на всем Кавказе специальное театральное сооружение Воронцов решает на деньги частных лиц, которым предоставят выгодные для них условия. 2892 квадратных метра, отведенные под здание театра, безвозмездно передавались тому, кто будет финансировать строительство. Ему же давалось право бесплатно иметь в театре ложу бельэтажа и на несколько лет – льгота от платежа за торговые и складские помещения, разместившиеся в здании. Сам же театр становился вечной собственностью города и навсегда избавлялся от всяческих налогов и сборов...

Однако задуманного, говоря по-современному, тендера не получается. На все условия соглашается лишь меценат, купец 1-й гильдии, почетный гражданин Тифлиса и Ставрополя, коммерции советник Гавриил Тамамшев. В ноябре 1846 года заключается контракт: все торговые лавки в здании должны быть заняты «красным товаром, галантерейными, модными, кондитерскими и вообще лавками, не безобразными наружному взгляду...», театр с буфетом должны быть построены и оформлены за счет Тамамшева, при строительстве и оформлении обязательно использовать только «добросовестные материалы, с изящною отделкою».

В том же году у Скудиери уже готов проект «караван-сарая с театром» или «театрального здания с лавками». Торжественная закладка здания – на следующий год. И здесь в фундамент закладывается памятная медная доска с надписью. Она гласит: «В 21 лето благополучного царствования Императора Николая 1-го, Самодержца Всероссийского, при управлении и в присутствии Наместника Кавказского генерал-адъютанта князя Воронцова... и многих почетных лиц, заложено здание первого Русского театра в Тифлисе, иждивением почетного гражданина Гавриила Тамамшева, по проекту, составленному Итальянским архитектором Скудиери».

С учетом дополнительных затрат на устройство фонтана и водопроводных труб под всей площадью, общая сумма расходов Тамамшева – около 500 тысяч рублей. В новом строении – два

больших подъезда, главный вход – напротив сохранившегося по сей день здания бывшего Штаба Кавказского корпуса, второй – со стороны нынешней улицы Пушкина. «По середине каждого из сих подъездов устроена прекрасная широкая из тесаных плит лестница». 266 торговых помещений обрамляли центральную часть с театром на 740 мест, внутри оформленным в арабском стиле по рисункам и под руководством художника князя Григория Гагарина.

Зрительный зал был длиной около 36,5, 25,5 метра в ширину и 15 метров в высоту. В четырех углах здания размещались лест-

Здание караван-сарая Тамамшева с театром

На этом месте стоял караван-сарай

ничные клетки, связывающие все его этажи. Были устроены 15 малых и два больших кирпичных мостика с подъездами для карет, широкий, в 5 метров каменный тротуар из «больших каменных тесаных квадратных плит».

Сопроводить открытие здания 12 апреля 1851 года театральным представлением не удаётся «по неготовности декораций и машин, до осени». Поэтому был дан «публичный маскарад с лотереей-аллегри в пользу Тифлисского женского заведения св. Нины». А 8 ноября – долгожданное «торжественное открытие представлений в новом театре», то есть, открытие сезона. В нем участвуют грузинская, русская и итальянская труппы. Были сыграны два действия из комедии «Горе от ума» и новая пьеса известного грузинского драматурга князя Георгия Эристави. На следующий же день, 9 ноября, состоялось первое представление итальянской оперы. Была представлена «Лючия ди Ламмермур» Гаэтано Доницетти, повторенная 16 ноября.

Современники восхищались зданием, сравнивая его с парижской Гранд-Опера. Директор театра, прозаик и драматург Владимир Соллогуб писал: «Сооруженный в Тифлисе, на Эриванской площади, театр по внутренней отделке не найдет себе нигде подобного. Он похож на огромный браслет из разных эмалей, сделанный по восточным рисункам...» Но внутреннее убранство – заслуга Гагарина, а не Скудиери, построившего здание в итальянском стиле, так что по архитектуре его фасад и интерьер театра не совпадали. Поэтому о работе архитектора прочтем в газете «Закавказский вестник»: «На той площади, которая за пять

лет пред сим каждую осень покрывалась почти непроходимую грязью – вы видите теперь прекрасное, колоссальное здание, с целым гостиним рядом, с замечательным по отделке театром и окруженное широкими каменными тротуарами».

А это – интересное наблюдение об архитектурной особенности здания знаменитого французского писателя Александра Дюма, побывавшего в Тифлисе

При строительстве этого храма погиб Д. Скудиери

в 1858 году: «За всю жизнь я видел почти все театры, но ни один из них по красоте не может сравниться с тифлисским театром... Этот караван-сарай представляет интересное зрелище. Через все его ворота входят и выходят с верблюдами, лошадьми и ослами представители всех наций Востока: турки, армяне, персиане, арабы, индийцы, китайцы, калмыки, туркмены, татары, черкесы, грузины, мингрельцы, сибиряки и бог знает кто еще! У каждого свой тип, свой костюм, свое оружие, свой характер, своя физиономия и, особенно, свой головной убор – предмет, который менее всего затрагивает изменение моды».

Со временем в здании появились не только лавки, но и модные магазины, рестораны, гостиница, кафе-кондитерские. Увы, театр просуществовал всего 23 сезона. В октябре 1874 года, когда афиша анонсировала оперу «Норма», в караван-сарай вспыхнул пожар, и театр сгорел дотла. А в июне 1851-го, так и не увидев торжественное открытие своего детища, Джованни Скудиери погиб. Можно сказать, на боевом

посту – во время начатого за три года до этого строительства Корпусного Николаевского военного собора в нижней части Александровского сада. Он был «членом по искусственной части и производителем работ в комиссии для постройки Корпусного храма в г. Тифлисе по составленным им для того всем нужным чертежам и сметам».

В Гражданском управлении Закавказским краем составляется следующий документ: «Июня 5-го. В 6 ч. по-полудни в Тифлисе, во вновь строящемся Соборном корпусном храме, из числа четырех столбов, поддерживавших главный купол, три большею частью... обрушились, а остальные их части, в трещинах, угрожали падением. Всего пострадало 16 чел., из коих тотчас умерло 4, и в числе их архитектор коллежский секретарь Скудиери».

Синьора Джованни, лично руководившего работами, похоронили на католическом кладбище, уничтоженном в 1930-х годах. Небольшой храм, в котором он погиб, вмещал 400 человек и считался главным собором «воинских чинов Тифлисского гарнизона» до постройки в 1897-м Соборного храма Кавказской армии во имя святого Александра Невского (на месте нынешнего парламента). Храм же Скудиери

Памятная доска на Сухом мосту

был достроен другими, перестраивался и был разрушен к началу 1930-х годов.

А оставшиеся нам в наследство два моста – лучшие памятники архитектору, имя которого высечено на памятной доске на Сухом мосту и дано улице у парка «Дэда эна». Джованни Скудиери в день гибели было всего 35 лет.

ТАК ОТСТОЯЛИ КАВКАЗ

■ **Борис ШАХНАЗАРОВ**

В этом месяце исполняется 80 лет со дня окончания битвы за Кавказ – серии войсковых операций на огромной территории. Она была самой продолжительной в Великой Отечественной войне (наступление немецко-румынских войск с 25 июля по 31 декабря 1942 года и победное контрнаступление советских войск с 1 января по 9 октября 1943-го).

К осени 1942 года оккупанты заняли большую часть Кубани и Северного Кавказа, советские войска находились в очень сложной ситуации. Истощились человеческие и производственные ресурсы. Враг захватил Украину, Белоруссию, Прибалтику, Крым и Донбасс, блокировал Ленинград. Овладению Кавказом Гитлер придавал первостепенное значение. Нефтяные промыслы Баку и Грозного в то время давали 2/3 ежегодной добычи советской нефти. Нацисты рассчитыва-

ли получить также чиатурский марганец, богатейшие хлебные районы Кубани и путь на Ближний Восток. У них было большое превосходство в боевой технике и Красная Армия вынужденно отошла к предгорьям Кавказа.

Еще 28 июля 1942 года был отдан приказ Верховного главнокомандующего, в котором подчеркивалось: «Отступать дальше – значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину. Ни шагу назад!». Выполняя его, наши солдаты и офицеры вынудили неприятеля прекратить наступление на туапсинском направлении и, предотвратили окружение на Южной Кубани. В оборонительных боях отличилась 392-я стрелковая грузинская дивизия под командованием полковника Исидора Силагадзе.

Старший лейтенант 392-й дивизии Алексей Пирмисашвили, зам.командира стрелкового полка капитан Владимир Лурс-

манишвили, политрук Владимир Канкава и стрелок Николоз Гогичаишвили были удостоены званий Героев Советского Союза (Канкава посмертно). В бою у селения Правоурванский на Нальчикском направлении тяжело раненый капитан Михаил Бухаидзе продолжал командовать батальоном. Вот что рассказала мне его дочь, кандидат биологических наук Дареджан Бухаидзе:

«В середине августа 1942-го, когда наши войска вели тяжелые бои в предгорьях Кавказа, в 801-й полк 392-й дивизии из Тбилиси приехала делегация грузинских писателей. Входившие в нее Иракий Абашидзе, Симон Чиковани, Алио Мирцхулава и другие в то время были военными корреспондентами фронтовых газет. Их пребывание на передовой совпало с 12-часовым боем, в котором отца трижды ранило, но он не ушел в тыл и, несмотря на угрозы санинструктора, поднял своих бойцов в атаку. Фашисты были выбиты из села, отца посмертно наградили орденом Красного Знамени. Иракий Абашидзе, потрясенный подвигом отца, за несколько часов написал стихотворение «Капитан Бухаидзе». На следующее утро его напечатали на первой странице фронтовой газеты «Вперед к победе», выходящей на грузинском языке. Позже, когда стихи были переведены на русский язык поэтессой Верой Звягинцевой, их опубликовала газета «Правда», и о подвиге отца узнала вся страна».

В связи с тяжелой обстановкой на Кавказе были приняты меры по усилению его обороны, в конце июня 1942 года в числе других уже отличившихся военачальников на Закавказский фронт направляется командиром 3-го стрелкового корпуса генерал-майор Константин Леселидзе. В августе уже командует 46-й армией, полностью очистившей от захватчиков Клухорский, Санчарский и Марухский перевалы. Часть сил этой армии обороняла Кавказское побережье Черного моря, предупреждая высадку морских десантов противника и обеспечивая прикрытие советско-турецкой государственной

границы. В октябре того же года Леселидзе присваивают звание генерал-лейтенанта и награждают орденом Ленина.

В середине августа 1942 года альпинисты горнострелковой дивизии «Эдельвейс» установили черно-красные флаги фашистской Германии на вершине Эльбруса. Берлинские газеты кричали: «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа». Но в феврале следующего года на высочайшую точку Европы поднялись советские альпинисты под руководством заслуженных мастеров спорта по альпинизму военинженера 3 ранга Александра Гусева и лейтенанта Николая Гусака. В сложнейших условиях флаги с нацистской символикой были сняты и переданы командованию Закавказья.

В операции участвовали и грузинские альпинисты: доктор географических наук, в течение многих лет возглавлявший кафедру экспериментальной метеорологии Тбилисского государственного университета имени И. Джавахишвили Георгий Сулаквелидзе и братья Габриель и Бекну Хергиани из знаменитой плеяды альпинистов-сванов, оставивших заметный след в истории этого вида спорта. Среди участников операции была единственная женщина – лейтенант Любовь Карапаева, до войны – альпинист-инструктор. Съёмки операции вел фронтовой кинооператор Никита Непросов. Всего было 20 смельчаков, всех их наградили орденами и медалями.

Пять месяцев продолжался оборонительный период за Кавказ. За это время немецко-фашистским войскам ценой больших потерь удалось выйти к предгорьям Главного Кавказского хребта. Однако все попытки нанести решительное поражение советским войскам, оборонявшим Кавказ, прорваться к Баку и Грозному, в Закавказье и на Черноморское побережье провалились.

Победа советских войск под Сталинградом в корне изменила всю обстановку на юге страны. В январе-феврале 1943-го войска Юго-Западного и Южного фронтов очистили от врага излучину Дона и овладели

Ворошиловградом, Краматорском, Ростовом. В то же время войска Закавказского и Северо-Кавказского фронтов освободили большую часть Северного Кавказа.

Для поддержания своих войск с воздуха гитлеровское командование сосредоточило на аэродромах Крыма и Тамани около тысячи самолетов и привлекло до 200 бомбардировщиков, базировавшихся в Донбассе и на юге Украины. В середине апреля 1943 года советское командование также перебросило на Кубань из своего резерва три авиационных корпуса. В воздухе разгорелось одно из крупнейших воздушных сражений, длившееся около двух месяцев. Враг потерял 1100 самолетов, высокое воинское мастерство показали Герои Советского Союза Георгий Тваури, Отари Чечелашвили, Захарий Хиталишвили, Дмитрий Глинка и другие советские летчики. Именно тогда был награжден первой Звездой Героя из трех прославленных летчиков Александр Покрышкин.

В январе 1943 генерал-лейтенант Леселидзе назначается командующим 47-й армией. Она вела тяжелые бои в кубанских степях, ее воины одними из первых ворвались в Краснодар. Целых семь месяцев длились бои за Новороссийск, противник создал там мощный оборонительный район – Голубую линию. Попытки наших войск овладеть городом ударом с суши не удались. Тогда с кораблей Черноморского флота в Новороссийской бухте был высажен десант морской пехоты, захвативший плацдарм южнее Новороссийска, который вошел в историю под названием Малая земля. Все семь месяцев сражалась группа десантников на Малой земле, сковывая крупные силы врага. Особенно отличился здесь отряд военных моряков под командованием майора Цезаря Куникова, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза.

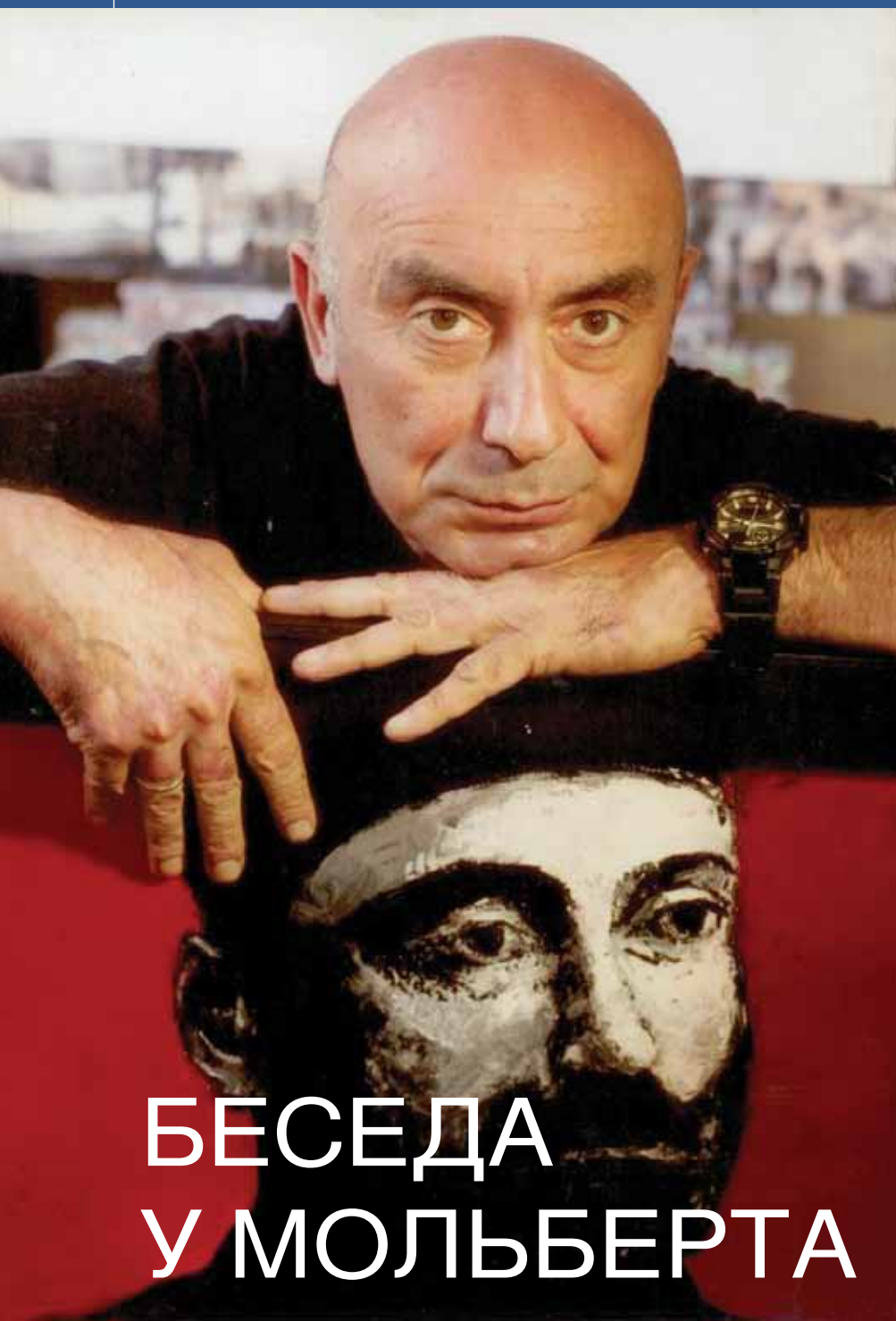
10 сентября советское командование, собрав крупные силы, начало штурм города одновременно с нескольких направлений. Главный удар наносился силами 18-й армии

генерала Леселидзе с суши и десанта Черноморского фронта – с моря. Город был взят штурмом после пятидневных ожесточенных боев. Операция по освобождению Новороссийска вошла в летопись Великой Отечественной войны как одна из наиболее блистательных. За эту операцию генерал Леселидзе был удостоен ордена Суворова I степени.

Новороссийск был освобожден, но оккупанты еще удерживали в своих руках Таманский полуостров. Перед Северо-Кавказским фронтом была поставлена задача – не дать врагу отойти с Тамани, разгромить и уничтожить его, полностью освободить полуостров. В эти дни в состав 18-й армии влилась стрелковая 414-я грузинская дивизия под командованием полковника Георгия Курашвили. В результате однодневных боев она ворвалась в Анапу и получила наименование – «Анапская». За активное участие в освобождении города Темрюк 276-я грузинская стрелковая дивизия была названа «Темрюкской». А 242-я грузинская стрелковая дивизия, освобождавшая Тамань, стала именоваться и «Таманская».

9 октября 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта под командованием генерал-полковника Ивана Петрова полностью очистили от немецко-фашистских захватчиков Таманский полуостров. И, с окончанием Новороссийско-Таманской наступательной операции, ожесточенная битва за Кавказ победоносно завершилась. Константин Леселидзе стал генерал-полковником, был награжден орденом Кутузова I степени. А в мае 1971 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сражение за Кавказ нельзя рассматривать изолированно от Сталинградской битвы, которая оказывала исключительное влияние на ход борьбы на Кавказе. В свою очередь события на Кавказе также весьма благотворно влияли на действия советских войск под Сталинградом.

БЕСЕДА У МОЛЬБЕРТА

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

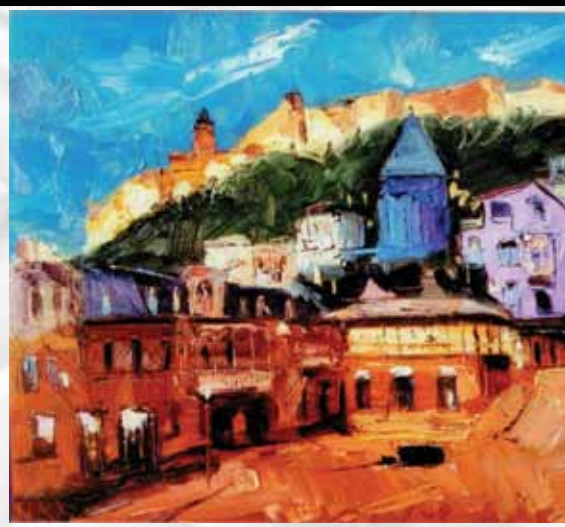
Тенгиз Микоянц
Фото Ю. Мечитова

Я очень люблю гулять по старым районам нашего города. Особенно меня прельщают места, где расположены маленькие частные галереи, в которых можно вволю любоваться живописными картинами разных авторов и направлений. Иной раз даже видишь полотна, на которых еще не высохла краска, – это работы, только-только выстав-

ленные на продажу самими художниками. Встречаются холсты, требующие чистки или даже реставрации, – их приносят владельцы старых картин. Сколько радости – эстетической, душевной, познавательной – доставляют такие прогулки!

Так случилось, что несколько лет назад, я (прошу прощения за личные подробности)

решил преподнести подарок главврачу московской клиники Сергею Аракелову, где успешно перенес операцию. Поскольку он очень любит Тбилиси и здесь у него живет много родственников и друзей, я стал присматриваться к картинам с видами старого города. Особенно мне понравились работы Тенгиза Микоянца – я просто не мог отвести от них глаз! В галерее мне дали номер телефона художника, мы созвонились и встретились. Оказалось, что мы с Тенгизом – люди одного поколения, и наши мнения и вкусы в основном совпадают. Я попросил его написать небольшую картину – типичный тбилисский пейзаж с балкончиками и церковью. Во всем остальном я полностью полагался на мастерство художника. Через пару недель Тенгиз сообщил, что работа готова, и я поехал к нему в мастерскую.

Излишне уточнять, что картина была замечательна.

Но, пожалуй, главным итогом нашего знакомства с Тенгизом для меня стало то, что мы подружилось.

Радостью этой дружбы я и хочу поделиться с читателями.

– Тенгиз, давайте начнем с самого начала...

– Давайте. Я, как и мои родители, родился в городе Хашури. Мечтал стать скрипачом, но родители не могли купить скрипку, она стоила дорого. А в 15 лет взял в руки кисть.

Как оказалось – навсегда. Закончил школу, отслужил в армии и поступил в тбилисское художественное училище имени Тоидзе. Затем продолжил учебу в Академии художеств. Я влюбился в Тбилиси сразу, еще десятиклассником, и на всю жизнь. Он меня вдохновляет, и я всегда говорю: «Мой учитель живописи – Тбилиси». Армения – земля моих предков, зов крови. А Тбилиси для меня – все. Он дал мне дом, семью, профессию. Где бы я ни находился, меня всегда тянет к нему... Кстати, в моей семье, помимо меня, есть еще один художник. Супруга Нино, глядя, как я работаю, и сама увлеклась живописью. Принимает участие в выставках, в 2016 году в тбилисской галерее «Елена» прошла ее персональная выставка. Ну, а наши трое взрослых сыновей пока только созерцают. И не более

сандр Бажбеук-Меликов, Гаянэ Хачатурян, Альберт Дилбарян и других, представлены и две мои работы. Хочу с благодарностью вспомнить, что он организовал и безупречно провел мою персональную выставку «Мой Тифлисъ». Это было в 2007 году, в известном бывшем манташевском доме в Сололаки.

– Да, я с большим интересом прочел статью об этом событии. На вернисаже присутствовали послы России и Армении, высокие представители Армянской и Грузинской церквей, известные художники.

– Кстати, когда посол Армении Грач Сильванян получил назначение и приехал в Тбилиси, он расспросил о местных армянских художниках. Затем встретился со мной и заказал картину. Эту работу он подарил нашему президенту, после церемонии вручения веритель-

того.

– Какую роль в начале вашего творческого пути сыграл наш известный коллекционер и знаток живописи Александр Пирадов?

– Безусловно существенную. Александр Богданович – организатор многих выставок в Грузии и за рубежом, и почти во всех я принимал участие. В известном каталоге «Работы тбилисских художников-армян в коллекции Александра Пирадова» наряду с картинами таких художников, как Алек-

ных грамот. Как мне сообщили, картина понравилась. Не знаю, совпадение или нет, но через несколько месяцев со мной связались представители аппарата президента Грузии и заказали несколько картин с видами старого Тбилиси. Эти работы использовались в качестве подарков в зарубежных визитах нашего президента. Затем заказы стали регулярными.

– И сколько таких работ довелось написать?

– Я насчитал 44. Но, может,

было и больше. Мне сказали, что президенту нравились картины с видами вечернего Тбилиси. Позже стали поступать заказы и от нашего министерства иностранных дел. Их было около 20. Так что в тот период я очень интенсивно работал.

– Ваши работы хранятся в частных коллекциях в США, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Грузии и многих других странах. У вас много было персональных выставок в Тбилиси и Ереване. И это понятно: вы состоите в Союзе художни-

Н. Никурадзе на фоне натюрморта
Т. Микоянца
Фото Ю. Мечитова

ков и Грузии, и Армении. А где еще вы выставлялись?

– В России. В 2008 году – в Доме-музее М. Цветаевой в Москве. В 2010 и 2011 годах – в Санкт-Петербурге, в картинной галерее «Tiondigo» на Крестовском острове. В 2014 и 2015 годах – в Тюмени.

– Широкому кругу любителей живописи вы известны, в основном, как мастер тбилисских пейзажей. Но в 2011 году у нас с успехом прошла ваша персональная выставка «По столицам Европы». Вам удалось передать своеобразную прелесть каждой из столиц, в том числе, Парижа, Лондона, Москвы, Праги, Рима, Киева. Знаете, я хорошо запомнил впечатление, которое произвела на меня ваша мастерская, когда я пришел туда впервые, чтобы забрать заказанную в качестве подарка картину. Все стены были увешаны работами не только с разнообразными сюжетами – пейзажи, натюрморты, портреты, – но и различных направлений – импрессионизм, абстракция, сюрреализм. И все картины были очень гармоничными –

вы всеми стилями владеете виртуозно. А чувство цвета, этого главного выразительного средства живописи, словно козырной туз в колоде вашего многогранного таланта.

– Спасибо. В маленьких картинных галереях приходится выставлять те работы, которые пользуются большим спросом – а это, в основном, пейзажи нашего города. Но вот на ежегодных осенних и весенних выставках, проводимых Лигой художников Грузии, членом которой я являюсь, выставляю работы разных направлений, в том числе, и абстрактные. Кстати, я хорошо помню историю с той картиной для подарка.

– Она мне очень понравилась, и я сразу поехал в багетную мастерскую. Шорена, хозяйка мастерской, ваша поклонница, сразу определила авторство работы. Но когда я сказал,

твердо ответил: «Хотел!» Она все поняла и заулыбалась.

– А потом вы меня разыграли... Не забуду, как вы позвонили и трагическим голосом сказали: «Тенгиз, что вы сделали? Я думал вопрос подарка решен, а он опять стоит в повестке дня». Я даже не сразу понял, в чем дело, удивился: «Почему?»

– А я радостно прокричал: «Да потому что у вас получился шедевр! Я не могу с ним расстаться и кому-то подарить!»

– И я ответил – нет проблем, напишем новую картину.

– Естественно, и новая получилась прекрасной. Я снова пошел к Шорене, и она спросила, смогут ли по достоинству оценить этот подарок.

– Ответ висит у меня в мастерской, в рамке.

– Ну, мне придется рассказать и этот эпизод. Я приехал в Москву, позвонил главврачу и сказал, что привез ему по-

Н. Никурадзе и С. Аракелов

что эта картина в подарок, огонек в ее глазах сразу потух. Мы стали подбирать различные багеты и остановились на двойном. Ну вы знаете, что сделать правильный выбор не так просто. Угадал или нет, понимаешь, когда картина уже оформлена. Через час я вернулся и с порога спросил: «Хорошо получилось?» – «Великолепно! Бесподобная картина». И Шорена с грустью добавила: «Вы хотите ее подарить?» Я

дарок. В назначенное время вошел в кабинет с картиной и большим каталогом картин известных современных художников Грузии, где представлены и ваши работы. Он смотрел на меня в растерянности и с удивлением. «Слушай, я думал, ты привез из Грузии чачу, чурчхелы, гуду. Но такого – никак не ожидал». И попросил секретаршу, чтобы она сфотографировала момент передачи таких подарков. Вскоре мне

переслали фотографии. Одна из них и висит у вас в мастерской.

– Да, это фото мне нравится. Как и все, которые сделал Юрий Мечитов, когда вы приехали с ним, и он провел фотосессию.

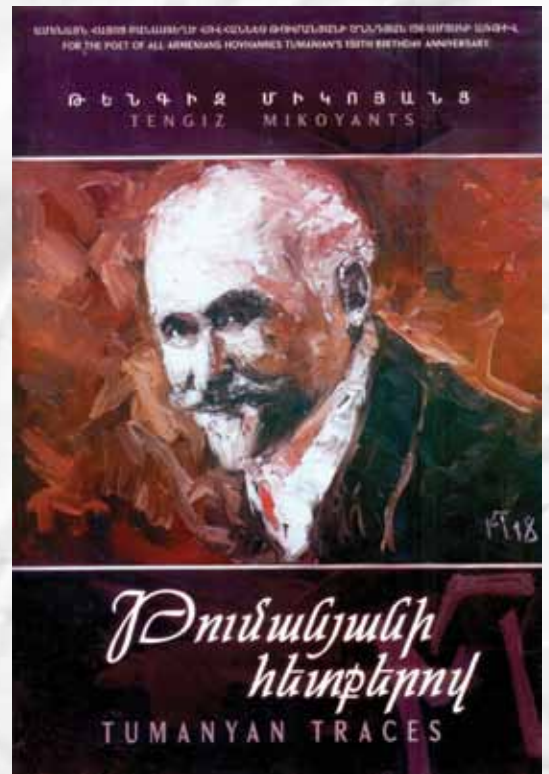
– О-о-о! Благодаря этой фотосессии, я теперь получаю ежедневное удовольствие. Ведь я тогда просто сидел в стороне и с интересом наблюдал, как снимает Мечитов. Через пару дней получил бесподобные фотографии, и среди них был снимок, где я сижу на диване, а за моей спиной... Боже мой! Большой яркий натюрморт необыкновенной красоты. Теперь эта картина висит у меня на самом видном месте, а внизу – та самая фотография, благодаря которой я ее приобрел.

– Количество моих работ в вашей коллекции увеличивается. Это приятно.

тор Шарль Азнавур. В тот же день он посетил церковь Сурб Эчмиадзин, во дворе которой его приветствовали многочисленные тбилисские поклонники. А вечером Азнавур посетил центр «Айартун», где встретился с представителями различных структур армянской общины. По окончании встречи я преподнес ему картину «Вечерний Тифлис», а он подарил мне свою фотографию с подписью: «Спасибо, Тенгиз, за сегодняшний день, за ваш талант. Азнавур». Кстати, его родители родом из Ахалцихе. Они эмигрировали во Францию в начале прошлого века.

– В 2019 году в Библиотеке парламента Грузии с успехом прошла ваша большая персональная выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Ованеса Туманяна.

– Выставка открылась именно 19 февраля, в день юбилея, и

Нино и Тенгиз Микоянц. Фото Ю. Мечитова

Подарок Шарлю Азнавuru

– Ваши картины хранятся у многих бывших и действующих государственных деятелей различных стран, в том числе, и президентов. В этом плане вы достаточно избалованы.

– Пожалуй. Но и в этом плане есть особые люди и особые случаи. Для меня один из самых памятных дней – 15 августа 2012 года. Тогда по приглашению правительства Грузии в Тбилиси прибыл всемирно известный певец и компози-

это символично, ведь большую часть своей жизни поэт прожил в Тбилиси. Здесь он и похоронен, в Пантеоне Ходжаванк. К этой выставке я готовился очень тщательно. объездил все места в Грузии и Армении, связанные с Туманяном, начиная с села Дсех, где он родился. Сделал много этюдов на пленэре. Был в Ахалцихе, Ахалкалаки, Цагвери, Манглиси, Коджори, Абастумани. Написал более

50 картин. Из Тбилиси все работы перевезли в Ереван, и там открылась выставка под названием «По следам Туманяна», был напечатан красочный каталог на армянском и английском языках. Этими двумя выставками я постарался наглядно проявить мою одинаково большую любовь и к Грузии, и к Армении – такую же, какая жила в душе Ованеса Туманяна.

Венская опера

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ Андрей МАРУДЕНКО

Продолжение

ВЕНА

– Если говорить об условном путеводителе по городам князя Лобанова-Ростовского...

– Начнем с Вены. Как вы знаете, в западном мире опера считается элитарным искусством. И потому оппозиционные левые всегда атакуют министерство культуры из-за субсидий, которые выделяются оперным театрам. Не нужно, мол, давать деньги на мероприятия, которые голодранцы во всех городах мира не посещают. 50 лет назад в Австрии канцлером был социалист Бруно Крайский. Он убрал задние два ряда на всех этажах Венской оперы и устроил там стоячие места. Они стоят меньше, чем чашка чая в буфете. Это билеты двух типов: одни, где вы можете видеть сцену – одной стоимости, и другие, где не можете видеть – еще дешевле. Их нельзя купить в кассе. Но если вы обойдете оперу на 180 градусов с центрального входа, то увидите служебный вход. Ежедневно за сорок минут до начала представления там очередь, и любой

человек может купить билет на любую программу этого вечера. Билеты в Венскую оперу бывают очень дорогие, до 500, 600 евро. А вы, если вовремя займете очередь, за 2-4 евро можете купить билет на любое представление. Эти сведения могут пригодиться одному из миллиона, представителю того меньшинства, которое продолжает предпочитать классическую музыку тем ужасам, которые ныне звучат на волнах множества радиостанций.

Еще один интересный аспект

Кондитерская Demel в Вене

в Вене. Как вы знаете, во всех странах есть госимущество – коллекции мебели, картин, которые распределяются по учреждениям в стране и по посольствам по всему миру. Вена уже 70 лет тому назад из этого склада мебели и картин устроила музей Hofmobiliendepot, который составлен по периодам изготовления мебели. Например, бидермайер – один этаж, классицизм – другой. Скажем, посол, которого назначают куда-то, всегда может зайти и выбрать себе мебель, какую хочет иметь в посольстве. Это – интереснейший музей, который отражает мудрый государственный подход, потому что государство получает доход с посетителей. Находится он в центре Вены.

Конечно же, для меня представляет большой интерес венская картинная галерея Kunsthistorisches Museum. Во-первых, там находятся несколько картин Арчимбольдо. Это итальянский художник, который написал всего 50 картин. Они необычны тем, что он делал портреты из овощей и фруктов. Они висят в галерее на втором этаже, в левом зале. Я всегда мечтал купить Арчимбольдо, и за последние 60 лет только дважды на Сотбис были выставлены его работы на мраморе. Но они оказались подделками. Во-вторых, там замечательные голландцы, немцы, начиная с Питера Брейгеля Старшего, Иеронима Босха, Франца Хальса и их современника, немца Дюрера. Рекомендую непременно там побывать, потому что это доставляет многим чрезвычайное удовольствие. Конечно, стоит навестить и Альбер-

тину, чтобы взглянуть на работы Густава Климта.

В Вене я всегда любил ходить в кондитерскую Demel. Там ежедневно подаются только свежеприготовленные сладости. Она имела такой феноменальный успех, что если не прийти туда до 12-ти часов дня, то многое из ассортимента уже раскуплено. Несмотря на то, что большинство людей в Вене обедают в час дня, гурманы со всего мира собирались там гораздо раньше и уплетали эти замечательные яства.

Вена, конечно, имперский город, как и Петербург. В Вене я проживал обычно в гостинице «Империал». Вы входите в гостиницу и поднимаетесь по лестнице, на которой с обеих сторон висят портреты императора Франца Иосифа и императрицы Елизаветы. По утрам, до деловых встреч, я шел из гостиницы вдоль кольца примерно двадцать минут в одном направлении и двадцать минут обратно. С одной стороны вы видите сады, а с другой – имперскую архитектуру. Как и в Лондоне, Париже, Берлине вы видите, что вы – в столице империи, и в этом нет никакого сомнения.

ПАРИЖ

– Париж – всем известный, всегда привлекательный, сегодня немножко страшный, потому что в некоторых кварталах вы ощущаете, что находитесь где-то в африканском городе, а не в Европе. В центре более-менее продолжают попадаться белые профили и слышится французский язык вместо арабского или других наречий. Последнее время я всегда проживаю в гостинице Grand Hotel de Champagne, около театра Chatelet, где Дягилев впервые выступил с русской оперой в 1908 году. С этой гостиницей меня познакомила Ирина Александровна Антонова, потому что 60 лет назад это была маленькая дешевая гостиница, и там останавливались служащие министерства культуры СССР, которые получали командировочные, 50 долларов в день, на гостиницу и питание. Ирина Александровна там останавливалась также и потому, что модель и интимная подруга Матисса, Лидия Делекторская, жила поблизости. А Антонова за ней ухаживала с целью получить материалы, связанные с Матиссом. И ей это блестяще удалось. Ныне Государственный музей имени Пушкина

Grand Hotel de Champagne

владеет значительной частью наследия Делекторской. Ирина Антонова меня приглашала обедать вместе с Делекторской в ресторан Zimmer. Если вы смотрите на театр Шатле, то он справа, на углу. Я, конечно, платил за обед, что сэкономило ее бюджет. Эти встречи дали мне возможность познакомиться с Лидией Делекторской, в которую невозможно было не влюбиться, несмотря на то, что она была на 30 лет старше меня... Эта гостиница сегодня осталась малюсенькой жемчужиной. На пятом этаже есть крохотные узкие балконы, где я люблю сидеть, покуривать сигару и смотреть на крыши Парижа. Еще одна прелесть в том, что гостиница находится в пяти минутах ходьбы через мост на остров Сен Луи, где находится Суд Парижа и известная церковь Sainte-Chapelle. По вечерам, в 7 и в 8 часов, там проходят часовые камерные концерты классической музыки: Вивальди, Баха и других композиторов. Я прихожу в Сент-Шапель, слушаю музыку, а потом иду ужинать в один из многочисленных ресторанов вокруг Chatelet и наслаждаюсь пищей, вспоминая услышанную музыку. Днем я стараюсь делать часовую прогулку от Шатле, спускаясь к мостовой Сены, если вода не вышла из берегов, и иду пешком оттуда до Place de l'Alma. Там есть чудный ресторан Chez Francis, где можно очень приятно на террасе закусить рыбным блюдом с белым шипучим вином и, конечно, продолжать курить сигару. С обеих сторон Сены видна замечательная старинная архитектура Парижа. А между

площадями Place de la Concorde и Place de l'Alma, на правом берегу, видны достижения архитектора Османа, который по указанию императора Наполеона III преобразил центр Парижа. Нужно носить удобные ботинки, потому что мостовая вдоль Сены вымощена булыжниками. Иногда я делаю исключение в последней трети прогулки и поднимаюсь наверх, потому что букинистические ларьки находятся наверху набережной. Я продолжаю покупать номера старых журналов 19-го века, которые в те времена печатались литографически, и дарить их всем причастным к изображенным событиям.

В Париже есть значимый для меня памятник на кладбище Пер-Лашез. Его поставила моя двоюродная прабабушка, Лобанова-Ростовская. Она настолько любила свою собаку, что сделала огромный монумент в память о ней. В наши дни выражение большой привязанности к собаке встречается часто. Известная американская особа предложила полмиллиона долларов, чтобы ей вернули двух собак, и одна гражданка их вернула и получила эту сумму. Люди иногда очень сильно привязываются к своим любимцам.

– Помнится, у вокзала Gare du Nord есть ресторан, который вы любите?

– Да, Terminus Nord, исключительно вкусный. Он находится налево по диагонали от выхода с вокзала. Ресторан обслуживает одновременно около ста человек, и там всегда в час дня очереди. Стоять в очереди недолго, минут десять-пятнадцать, что

подтверждает его качество. Поэтому, когда я приезжаю поездом, который приходит из Лондона днем, без десяти час, на Гар дю Норд, я в час уже сижу в ресторане и наслаждаюсь или рыбой, или печенью. Начинаю с супа, который по-русски можно назвать ухой из омаров. На террасе можно пить кофе и курить сигару, что я и делаю каждый раз, поскольку даже зимой там стоят обогреватели.

– *Вы долгое время работали на Вандомской площади...*

– Мне посчастливилось работать в месте с видом на гостиницу Ritz. Навещая Париж, я проживал обычно или в гостинице Ритц, или в гостинице Vendome, которая находится слева, на углу от Ритца. Отель Вандом – более уютный и спокойный, к тому же, когда я приглашал людей, некоторым из них ходить в Ритц было неудобно, они смущались, а в Вандом было тихо, мирно и вкусно. Я тогда был банкиром-ростовщиком в Париже. Однажды к нам в банк пришел хозяин сети отелей Холидей Инн. Он собирался строить гостиницу в Марокко, и ему нужно было взять денег напрокат. Мы с коллегой пригласили его и помощника в ресторан Grill гостиницы Ритц, который был напротив банка. Когда мы закончили обед, мой коллега взял счет, чтобы расплатиться. Хозяин сети Холидей Инн попросил разрешение посмотреть на счет. На его лице нарисовалось возмущение. Он нам сказал: «Я каждый день во всем мире продаю десять тысяч гамбургеров. Они стоят по пятьдесят центов. Я съел сегодня кусок рыбы. Скажем, она стоила

два доллара. А за нее запросили двадцать – мы платим и за этих двух официантов, которые стояли у двери и не двигались, за исключением того, чтобы зажечь вам сигару после обеда, когда двое других официантов подавали нам кофе. Это – стыд и срам. Я в своих сетях никогда не обманываю своих клиентов». Вот менталитет мормона из штата Юта. Я тогда подумал, что, возможно, это – одна из причин его успеха.

– *В отеле Вандом жил после революции князь Феликс Юсупов с женой, великой княгиней Ириной Романовой. Вы бывали у Феликса Юсупова дома?*

– Да, потому что мой дядя, Ники Катков, чья мать – Лобанова, переводил его книги и был с ним очень дружен. Мне было чрезвычайно неприятно ходить к Юсуповым, даже жутко. По моральным причинам, потому что Юсупов часто нас принимал в спальню в комнате, где он лежал, плохо, грубо покрашенный, похожий на чучело. А великая княгиня при этом сидела рядом и занималась вышивкой. Каким бы интересным ни был разговор, мне было неприятно физически. Потому что, увы, мои предрассудки тогда были сильнее, чем сейчас.

– *У вас сильно изменилось ощущение от Вандомской площади за последнее время?*

– Весь Париж изменился по духу. Он стал колониальным городом. В метро очень редко услышите французскую речь. Чернокожие преобладают. Опасный криминальный город. Очень жалко... Я подарил резиденции посла Рос-

сии в Париже портрет Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского, который создал текст мирного договора с Наполеоном. Договор исключителен в истории тем, что Россия была агрессором и проиграла войну. Зато в результате этого договора Россия не потеряла территории и не понесла денежного ущерба. Есть на это несколько причин. Я полагаю, одна из них та, что Лобанов-Ростовский был маленького роста, и физически не пугал Наполеона, как, скажем, это мог бы сделать Трамп в наше время. Во-вторых, он был чрезвычайно умен. Он сумел убедить Наполеона пойти на уступки. Наполеон это оценил и дал ему высшую награду Почетного легиона.

– *Портрет Екатерины Великой в меховой шапке, который висит в резиденции русского посла на улице Греннель, это ваш подарок или, может быть, вашего дяди?*

– Дядя мой, Николай Вырубов, подарил резиденции посла замечательный портрет Петра Великого работы Jean Mark Natier и Екатерину Великую, через Юрия Трубникова. А я подарил портреты Александра Второго и Александра Третьего.

– *Старая коллекция царских портретов, как известно, находится в Русском старческом доме в Сан-Женевьев-де-Буа, поскольку большевики от нее отказались. Получается, что благодаря вам и вашим родственникам в резиденции посла появилась новая коллекция.*

– Некоторое время назад послом России в Париже был Александр Авдеев. Он пригласил меня с супругой Джун на обед. Прогулявшись по резиденции, я заметил, что стены резиденции голые, без портретов. Я спросил посла, почему так? Он мне рассказал следующее обстоятельство. Франция была первой страной, которая признала советскую власть. И в октябре 1924 года Красин приехал в Париж полпредом. Кстати, это он подсказал Ленину идею электрификации всей страны, будучи инженером. В те времена в РСФСР главным искусством «в моде» была беспредметная живопись авангарда. Когда Краснов посмотрел на классику и царские портреты, то распорядился убрать все это. И, к счастью, Маклаков, который

Отель Ритц на Вандомской площади

был послом до него, попросил дать ему письменное указание, что и было сделано. В результате картины и царский трон были перевезены в Русский старческий дом в Сан-Женевьев-де-Буа под Парижем, где и сейчас находятся. Авдеев пытался получить эти портреты обратно, но французский суд постановил, что не может с этим согласиться, поскольку было письменное указание полпреда СССР. Это совпало с тем, что мой дядя, Николай Васильевич Вырубов, был уже на 92-м году жизни и чувствовал, что ему мало времени осталось. Он намеревался подарить резиденции русского посла большой прижизненный портрет Петра Великого работы Natier и хотел заручиться согласием своих наследников – меня и моего двоюродного брата Юрия Трубникова. Это было за обедом в ресторане клуба инженеров на Avenue d'Iena. Юрий и я согласились. Представьте, мы выходим из ресторана, и в то же самое время к ресторану подходит посол Авдеев. Я тут же договорился о встрече. Вскоре я навестил Авдеева и рассказал ему о желании моего дяди. Оно было сопряжено с единственным условием, чтобы посол подписал бумагу, что портрет никогда не будет унесен из резиденции посла. У моего дяди было две причины об этом просить. Первая заключалась в том, что его дядя, Георгий Вырубов, знаменитый профессор, завещал Лувру ряд картин с тем, чтобы они периодически выставлялись, но это не было исполнено. Дядя судился с Лувром и проиграл. А вторая причина была в том, что он знал о случае с Красиным. Авдеев дал письмо, которое находится сейчас в музее Ростовского Кремля. За этим даром пошли мои дары двух портретов, а затем я уговорил врача Рувима Бессера из Дюссельдорфа подарить посольству портрет Николая Первого, что он и сделал. А Юрий Трубников подарил ту самую Екатерину, о которой вы спрашивали.

– Как можно человеку, не связанному с посольством, посмотреть эту коллекцию?

– В сентябре в Париже есть Дни культурного наследия, когда вход во все посольства свободный. Это стоит иметь в виду.

– Если вспомнить о знаменитых

Русский старческий дом в Сан-Женевьев-де-Буа

местах Парижа 70-80-х годов, скажем, о ресторане Максим? Граф Шереметев рассказывал, что раньше в Максим без галстука не пускали даже Аристотеля Онассиса.

– Конечно. Но у меня нет никакой личной связи с рестораном Максим, кроме одной истории, связанной с бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном. Он дружил с владельцем Максима и жил в Париже на четвертом этаже, над рестораном, в апартаментах хозяина. Он пригласил Джун и меня на ужин в Максим. Когда мы пришли, он, как полагается хозяину, уже сидел за столом, где стояла открытая бутылка шампанского. Барон никогда не пил ни спиртного, ни чая. Но, несмотря на это, он, чтобы не дать нам возможность сказать нет, сделал так, чтобы к нашему приходу бутылка была уже открыта.

– Что же он пил?

– Только воду. Поэтому жил так долго и скончался в возрасте 105 лет не от естественной смерти, а от пожара. И занимался интимностью, когда ему было 96 лет.

– Если взять все главные отели Парижа, какой из них для вас является номером один?

– Все зависит от того, что вам нужно. Некоторые люди любят тишину. В таком случае нужна гостиница, которая имеет комнаты во внутренний двор, где нет шума. Для других людей важен вид. Для третьих важна пища. Желательно, чтобы гостиница включала все эти три пожелания. Для меня всегда было интересно иметь в ванной комнате окно. Поэтому в Ритце я всегда останавли-

вался в номере на пятом этаже, где есть ванная комната с окном с видом на Париж. По вопросу услуг и люкса могу сказать, что в Европе вообще люкса нет, какой бы ни была дорогой гостиница. Люкс означает, что в Гонконге, в отеле Мандарин вы звоните в три часа утра, приходит лакей, вы даете ему рубашку и смокинг, он их гладит, и вы сходите вниз в игральную комнату. Или он вам чистит ботинки в четыре утра. Таких услуг в Европе больше не существует. Но в вопросах относительного сервиса такие гостиницы, как George V, Le Meurice, где запоминают телефонные сообщения тех, кто вам звонил, где помнят вас и ваши предпочтения, – весьма привлекательны. Думаю, что вместе с Крийон, Ле Мюрис и Ритц они продолжают быть главными отелями Парижа.

– А, к примеру, Plaza Athenee?

– Конечно. Но в отношении этого отеля у некоторых есть предубеждение, что в таких гостиницах появляется публика, которая неприятна для отдельной части европейского населения, а именно: русские, арабы или темнокожие. Многие люди несовершенны и имеют предрассудки, предпочитая быть в компании «однопокожих».

– И все-таки, какой отель остается для вас главным отелем Парижа, если абстрагироваться от маленькой и скромной гостиницы, про которую вы рассказывали выше?

– Я думаю, Ритц продолжает быть отелем номер один по своей элегантности и простору.

Алла Беженцева

РУССКАЯ ГЛУБИНКА В ГОРАХ ГРУЗИИ

ИЗ КНИГИ «СТРАНА ДУХОБОРИЯ»

— Алла БЕЖЕНЦЕВА

Алла Николаевна Беженцева – председатель Союза русских женщин «Ярославна», вице-президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук. Кавалер ордена Чести Грузии (2002) «за особые заслуги в проектировании зданий культурного назначения и общественную работу, направленную на укрепление грузино-российских отношений». Национальным Комитетом общественных наград РФ награждена орденом Екатерины Великой III степени (2007) «за заслуги и большой личный вклад в консолидацию русского мира и укрепление связей соотечественников с исторической родиной». Международной Ассоциацией поэтов и писателей награждена орденом «Культурное наследие» (2013).

Редакция «Русского клуба» от всего сердца поздравляет Аллу Николаевну с юбилеем и желает крепкого здоровья, всего самого доброго и светлого!

При виде аккуратно выбеленных домиков с резными окнами и ставнями, выкрашенными голубой краской, узорчатыми крышами в петухах, цветущими палисадниками и кувшинами на изгороди невольно испытываешь желание протереть глаза, чтобы убедиться в том, что окружающее тебя не сон. И в самом деле, откуда в Грузии, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, в окружении диких гор типичная, до мелочи, до завалинки, до журавля над колодцем русская деревня?! Это не сон, это Гореловка – одно из сел духоборцев, выселенных сюда, на Кавказ, из России еще в 40-е годы XIX века.

Жители села с типично русскими лицами; женщины в белоснежных платках на головах, мужчины с окладистыми бородами, бело-брысье детишки с ярко синими глазами. А услышав речи сельчан,

еще больше удивляешься – такой русский язык, полностью лишенный примитивных неологизмов и иностранных заимствований, поразительно чистый и живой, редко услышишь и в России.

Печальна история духоборческой общины, возникшей в России во второй половине XVIII века в знак протеста против обрядности и догм официальной церкви. «Мы не желали, – говорили духоборцы, – чтобы нас называли сектантами, потому что во время Петра Великого, если кто знает историю, было много разделений, были хлысты, были штундисты, были малеванцы, их тогда в презрение называли сектантами». Духоборцы не желали называться сектой, они были частью христианского направления, желали руководствоваться живым словом своих пророков, своими рассказами, которые составляли не только по рассказам из своей истории, но и из учения Христа. Духоборцы заучивали предания наизусть, поскольку все были безграмотные, из крестьянства. И все их учение было изустное. Они говорили: «Мы руководимся не мертвой буквой в книгах, а мы руководимся живым словом».

«В конце XVIII столетия, – пишет историк П.И. Бирюков, – вдруг являются люди, не только отвергающие все обряды и установление греко-российской церкви, но даже не приемлющие и наружного крещения водою и причащения тела и крови Христовой под видом хлеба и вина. Они отовсюду терпели гонения...»

В 1750 году в Тамбовской губернии России появился человек, который стал объединять вокруг себя людей, проповедуя движение, отрицавшее рукотворные атрибуты веры. Савелий Капустин, так звали нового пророка, объяснял, что Бог живет в душе каждого человека, а крест и икона – лишь мишура, созданная священниками. «Со злом нужно бороться своим духом, верой», – говорил Савелий.

Название «духоборцы» новому направлению было дано екатеринославским архиепископом Амвросием в 1785 году и настолько закрепилось, что с той поры по-иному духоборцы себя и не называли.

Религиозными символами у духоборцев считаются хлеб, соль и кувшин с водой, которые ставятся на стол во время чтения

псалмов. Общение с Богом происходит у них под руководством старейших членов общины в специальных домах. Духоборцы отличаются большим радикализмом: они отвергают канонический текст Библии, руководствуются священными преданиями в виде стихотворных псалмов, объединенных в устную «Книгу жизни».

Основные их постулаты таковы: «Духоборцы – полки Иисусовы»; все творения Господни прекрасны, но владеют и наслаждаются ими люди, «забывшие в сердцах господя»; борьба духоборцев за «дух» приведет их к обладанию «всеми творениями господними».

Нравственный катехизис духоборцев мало чем отличается от принципов общественной морали: «Будь благоразумен, не все, что видишь, желай, не все, что можешь, делай, но только то, что должно. Будь воздержан, без алкания пищи не употребляй, без жажды не пей, более пьянства яко ада бегай. Будь кроток, не продерзлив, больше молчалив, нежели говорлив. Ничего чужого не желай, колыми паче не крадь, а в чем имеешь нужды сыскивай трудом. Что займы взял, отдай, что обещал – исполни, будь к трудам охотлив, оставляй праздность ленивым. Также будь к вышнему послушен, с равными обходителен; никому не завидуй, доброжелательствуй всем – сие храни, то и будешь благополучен».

Сами духоборцы, как они считают, ведут свое происхождение от трех отроков: Анани, Азари и Мисаила, т.е. от тех, кто пострадал за веру.

Приняв евангельскую заповедь «не убий», они выступали против любой службы в армии, чем вызывали недовольство правителей царской России.

Историю духоборческой общины можно подразделить на пять периодов.

Первый период – это период создания общины из недр хлыстовщины (секты т.н. «божьих людей»), когда Силуан Колесников на Украине и Илларион Побирохин в Тамбовской губернии начинают распространять свои идеи и собирать последователей. Этот период заканчивается мессианским выступлением Побирохина – он со своими апостолами торжественно вступил в город

Тамбов, объявляя, что идет судить вселенную, но был арестован и сослан в Сибирь.

Второй период знаменателен формированием духоборческих общин под руководством Савелия Капустина, первым оформившего догматы духоборческого вероучения. Был ли он действительно сыном Иллариона Побирохина, неизвестно, так как браки среди духоборцев не оформлялись церковью и не регистрировались, и дети получали фамилию матери.

Третий период охватывает пребывание основной массы духоборцев на Молочных Водах, где они решили осуществить на практике идеи коммуны. Они объединили все свое имущество, создали общую кассу, завели общее стадо и решили, что каждый брат общины может брать из общего имения все, что ему понадобится. «Таким образом, – пишет Н.Н. Никольский, – появилось миниатюрное мессианское царство на теократически-коммунистических началах».

Однако уже с самого начала глава общины Капустин присвоил себе полномочное право распоряжаться всем имуществом членов общины. Он единолично управлял всеми хозяйственными делами, руководил духоборцами, заведовавшими отдельными колониями (селениями), разбирал во главе специального трибунала судебные дела. Уже в характере самой организации коммуны были заложены начала ее разложения. И в тот момент, когда царское правительство вновь начало преследование общины, несколько тысяч разбогатевших духоборцев перешли в православие и остались на Молочных Водах.

Четвертый период, в период царствования Николая I, связан с переселением духоборцев в Закавказье, в Тифлисскую губернию. Здесь продолжился процесс разложения общины, который завершился открытой борьбой низов духоборческой массы против собственной олигархии. Непокорная часть духоборцев при содействии Л.Н. Толстого эмигрировала в Канаду.

Пятый период охватывает историю духоборческого сектантства после первой русской революции 1905-1907 годов. Сектантство перестает быть разновидностью умеренной демокра-

тической оппозиции, и духоборцы стали исправно нести все повинности, в том числе и воинскую.

Обратимся к некоторым подробностям истории духоборчества.

По императорскому указу Александра I 1802 года духоборцам Екатеринославской, Харьковской, Тамбовской и других губерний разрешили переселиться в Запорожье, на пустопорожные земли по реке Молочной в Мелитопольском уезде. Через 36 лет духоборцы вновь попали в немилость, и им опять пришлось искать землю обетованную. Таким местом для них стал Кавказ. И неспроста. Кавказ издревле считался святой землей, неоднократно упоминавшейся в Библии. Переселившись в 1841 году в Грузию, в суровый высокогорный пограничный Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии, первую зиму духоборцы провели в земляной балке, под названием Терпения. В ту лютую зиму от холода, голода, болезней погибло более 7 тысяч человек. Оставшиеся в живых выстояли, выдюжили и построили вдоль реки Паравани восемь красивых деревень с названиями, перенесенными из духоборческих сел Запорожья, – Богдановка, Гореловка, Орловка, Тамбовка, Калинино, Ефремовка, Родионовка.

Поначалу пришедшие в Джавахети духоборцы предполагали, что не задержатся здесь надолго, так как условия здесь тяжелые: суровый климат, иноязычная среда. Но 12 октября 1841 года неожиданно скончался духовный лидер духоборцев Илларион Калмыков. Его похоронили здесь же, в высокогорном Джавахети, и покинуть святое место было уже нельзя. Большая группа духоборцев (495 семей, включающих 4097 духоборцев) осталась в высокогорном Джавахети, а другая часть (до тысячи человек) переместилась на более плодородные земли в районе Дманиси (Квемо Картли) и обосновалась в пяти деревнях – Дманиси, Кировиси, Ваке, Гантиади, Орузман.

Уникальные сведения о жизни и событиях в духоборческой общине, увы, на сегодняшний день восстановить невозможно. Все ценные бумаги и золотой запас, кстати, немалый, были изъяты в 20-30 годах XX века при Советской власти.

На первом этапе переселения

духоборцы жили в сравнительной изоляции от коренных народов и в процессе адаптации опирались главным образом на традиционную для них культуру. Для своих поселений они выбирали места с таким расчетом, чтобы иметь возможность организовать хозяйство так, как они привыкли вести его у себя на родине.

В центре самого большого села – Гореловка – расположен молеальный дом – «Сиротский дом», получивший такое название от того, что здесь еще в прошлом веке кормили детей и всех нуждающихся. «Сиротский дом» состоит из нескольких строений. В середине территории, огражденной красивым палисадником, раскрашенным в голубой и белый цвета с росписями, стоит двухэтажный терем (иначе его не назовешь, настолько он красив). В этом доме-тереме жила Лукерья Калмыкова – первая женщина, возглавлявшая общину духоборцев. Она достроила «Сиротский дом», который начал строить в 1847 году ее супруг Петр Илларионович Калмыков – правнук Савелия Капустина.

В «Сиротском доме», в специально построенных покоях, духоборцы собираются для общения со всевышним. Комнаты просторные, с русскими печками, вдоль стен расположены лавки. На окнах кружевные рушники, а ставни расписаны орнаментом с изображением полевых цветов, растущих в глубинке России. В молеальный зал входят через две двери: через одну – женщины, через другую – мужчины. Рядом с залом находится комната с кухонной утварью, где готовят еду, чтобы напоить и накормить всех жаждущих и голодных.

Во дворе «Сиротского дома»

стоит огромный камень – монумент с фамилиями праведников – духоборцев, похороненных на территории близ Гореловки, называемой «могилками святых», почитаемыми духоборцами во всем мире.

Особо почитаема Лукерья Калмыкова, сильная, волевая женщина, сумевшая долгие годы руководить многотысячной общиной своих единоверцев.

1864-1886 годы – период правления «богородицы» Лукерьи Васильевны Калмыковой – характеризовались окончательным формированием в «Духобории» крепкого хозяйственного мужика-фермера. Лошади из хозяйств духоборцев были породистыми и рабочими, славились на все Закавказье и обусловили извозный промысел, которым занимались духоборцы, перевоза товары фургонами в Персию, Турцию, Индию и по Закавказью. На духоборцев была возложена обязанность содержать за плату почту по всему Закавказью.

Тяжелым гнетом на духоборцев легла русско-турецкая война 1877-1878 годов. Духоборцы героически потрудились в ту войну. Они выставили до 4 тысяч фургонов и наладили регулярное снабжение армии фуражом, продовольствием и оружием по трудной горной дороге. В духоборческих селах были созданы лазареты. Тяжело раненые солдаты лежали в каждом доме. 150 фургончиков-духоборцев погибло.

Как известно, одним из основных догматов духоборческого вероучения был отказ от воинской повинности. Но в 1887 году на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность, после которой стали призывать и духобор-

цев, прежде освобожденных от воинской службы.

29 июня 1895 года в день святых Павла и Петра произошло событие – миротворческий акт духоборческой общины. В пещерке, расположенной недалеко от Гореловки, духоборцы сожгли собранное со всей общины оружие в знак протеста против зла и насилия.

В акции уничтожения оружия в Ахалкалакском уезде приняли участие духоборцы семи селений. При сожжении присутствовали до 2000 человек. Акт сожжения оружия 29 июня 1895 года остался в памяти людей как подвиг, он символизировал отказ духоборцев от войны с ее убийством и насилием.

Мужчины отказались служить в армии. Царское правительство за это наказало общину: всех мужчин избили плетью, а старейшин посадили в тифлисский острог.

Духоборцев, преследуемых царским самодержавием, защищало все прогрессивное общественное мнение. Огромна роль великого писателя Л.Н. Толстого в поддержке духоборческой общины, ведь именно она первой осуществила на практике его идеи непротивления злу насилием. «Вы первые показываете пример хождения по пути Христову», – писал Лев Николаевич духоборцам.

Видная грузинская общественная деятельница Е.П. Накашидзе первой обратила внимание Л.Н. Толстого на положение духоборцев. И с тех пор он стал покровителем духоборческой общины. Именно с его помощью и при финансовой поддержке многих русских меценатов было организовано переселение духоборцев в Канаду. Первый пароход «Лэк Гурон» с партией духоборцев прибыл в Канаду во второй половине января 1899 года. Л.Н. Толстой вложил много сил и средств (в частности, весь гонорар за роман «Воскресение»), чтобы обеспечить хорошие условия для переезда переселяемых. Духоборцы в чужой стране, не зная языка и обычаев, были бы беспомощными, поэтому писатель послал с ними 20 сопровождающих – врачей, переводчиков, юристов, среди них и своего сына С.Л. Толстого.

В настоящее время в Канаде находится самая большая духо-

Школе им. Л. Толстого в Гореловке исполнилось 120 лет

борческая община в мире – 30-40 тысяч человек. Живут они в основном на западе Канады – в Британской Колумбии (города Бриллиант, Коссельгард, Гранд-Форд) и в провинции Альберта (поселки Архангельское и Мирный).

Руководитель канадской духовоборческой общины Иван Иванович Верегин говорит на чистейшем старинном русском языке. Сегодня не все канадские духовоборцы знают русский язык (сказывается ассимиляция), но все чтят «святые места» в Гореловке, стараются по мере возможности приезжать на поклонение к «святым могилкам», к духовоборческим ценностям всего мира.

Количество духовоборцев в Грузии постепенно сокращалось. С 1979 по 1989 год в Ниноцминдском районе уменьшилось с 5614 до 3830, а в Дманисском – с 2000 до 691. Начало 90-х годов ознаменовалось массовыми переселениями духовоборцев на историческую родину, в Россию. Многие духовоборцы переселились из Грузии в Тульскую и Брянскую области России. К концу XX века в Грузии остались приблизительно 1400 духовоборцев, из них 100 проживали в Дманиси.

Сегодня духовоборческая община в Дманисском районе насчитывает не более 50-70 человек, живут они, в основном, в самом Дманиси и в селе Ваке. Община сохранила свои традиции, обряды и молельный дом. При общине есть духовоборческий хор.

В Ниноцминдском районе Джавахети духовоборцы на сегодняшний день живут лишь в двух деревеньках, Гореловка и Орловка, близ трассы, ведущей в соседнюю Армению. В этих селах на сегодняшний день проживает 155 духовоборцев. Дома уезжающих духовоборцев в Орловке скупают в основном жители соседнего села Арягал, а в Гореловку переселились жители периферийного села Фока.

Но и сейчас эти села в грузинской глубинке выделяются своей самобытностью, особенно зимой – светлые и аккуратные домики с резными деревянными ставнями на окнах и расписными крылечками похожи на сказочные: чуть ли не в каждой комнате встроена настоящая русская печь. В Гореловке чтят обычаи и традиции, свято берегут национальную одежду предков. Сохранена и

Молельный дом в Гореловке

вера. В «Сиротском доме» каждое воскресенье проходят заутрени – моления с чтением псалмов. Правда, при «Сиротском доме» нет больше общей казны, амбаров, не живут здесь старейшины общины, как это было в прежние времена. Молодежь редко заглядывает в «Сиротский дом». И вообще, на моления в «Сиротский дом» приходит не более 20 человек. Но стараниями Татьяны Ослоповой, Елены Лариной, Владимира Сухорукова сохраняются традиции духовоборцев и ведение молений.

Сегодня только в Гореловке духовоборцы все еще составляют большинство населения. В русской школе, которая построена в 1903 году на пожертвования Льва Толстого, учатся 57 детей. До сих пор эта школа стараниями духовоборцев в отличном состоянии. В октябре 2003 года школе было присвоено имя Л.Н. Толстого, а троим педагогам и директору школы вручили правительственные награды.

30 июня 2001 года в Гореловке отмечали 160-летие переселения духовоборцев в Грузию. На праздник съехалось много гостей из России, Канады, со всех уголков Грузии. Центральная улица Гореловки была похожа на цветник – это женщины оделись в национальные костюмы: яркие цветные блузки, широкие в оборках юбки с большими кружевными передниками, косыночки, расшитые мелкими цветочками. Звучала гармонь, исполнялись старинные русские песни, пляски.

В этот день замечательному краю, где живут трудолюбивые, приветливые, добрые люди с честными, мудрыми глазами,

проповедующими вечные ценности «не убий!», «не обидь!», «накорми!», «помоги!», по указу президента Грузии был дан статус музея-заповедника русской духовоборческой культуры, зодчества и быта, центра святынь духовоборцев...

Пожилые духовоборцы все, как один, говорят о том, что святыни духовоборчества всего мира, находящиеся в Гореловке, нуждаются в уходе, почитании, и поэтому как бы им ни было трудно, они не покинут эту священную землю.

Уменьшение числа верующих в духовоборческой общине, как было сказано выше, началось давно и шло в нарастающем темпе. Для многих общин этот процесс заканчивался самоликвидацией. Такой же процесс шел и среди духовоборцев. Лидеры общины понимали, что рассеивание переселенцев по стране среди русского населения приведет к их быстрой ассимиляции, утрате наследия предков и еще большему ослаблению конфессии в целом, так как наиболее крепкие общины были как раз в Закавказье. Массовое переселение духовоборцев из Закавказья в Россию ускорило процесс институализации этой секты, создание местных и центральных руководящих органов, которые должны представлять их интересы на всех государственных уровнях.

За почти 300-летнюю историю духовоборцев четыре раза переселялись из разных стран. Последний раз им пришлось перебраться из Грузии в Россию. Так хочется, чтобы у духовоборцев все устроилось.

Сколько же им еще скитаться?

Ражден Ткабладзе

«Портрет жены художника»

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

С работами художника Раждена Ткабладзе я впервые познакомилась несколько лет назад на его первой персональной выставке, которая состоялась в галерее Государственного центра фольклора Грузии. В двух выставочных залах было представлено до сорока работ художника, созданных в разные годы. Основную часть экспозиции составляли картины, написанные маслом и акварелью. С тех пор я, как и многие почитатели его дарования, слежу за его творчеством и регулярно смотрю новые полотна, фотографии которых он публикует в своей электронной галерее в социальной сети Фейсбук.

Ражден очень скромный человек, крайне немногословный и с неохотой рассказывает о себе. На той же выставке я заметила, что он не любит находиться в центре внимания, для него непривычно стоять перед камерами и отвечать на многочисленные вопросы жур-

налистов. Примечательно, что в течение нескольких лет выставка картин Ткабладзе откладывалась, так как художник считал, что не готов к экспозиции, должен еще доработать свои полотна и нарисовать новые. Наконец, по настоянию супруги, Ражден вынес плоды своего

многолетнего труда на суд зрителей. Экспозиция вызвала живой интерес среди любителей живописи, и менеджер выставочного зала Государственного центра фольклора Мия Нозадзе отметила, что галерея и в дальнейшем с удовольствием будет выставлять работы такого талантливого мастера.

Ражден по профессии скульптор-лепщик архитектурных деталей, сам себя считает художником-самоучкой, т.к. никогда не учился живописи в специализированном учебном заведении, но с детства любил рисовать. Он родом из Уреки, в юности ходил там в кружок по рисованию. Однако, позднее забросил это дело и снова стал писать уже в зрелом возрасте, после встречи с будущей супругой. «В моем увлечении рисованием большую роль сыграла жена, оперная певица Наталья Богданова. Именно ее портрет стал первой картиной маслом,

«Собор Святой Троицы»

которую я нарисовал. Начал с этой картины, а затем уже перешел на другие темы», – рассказывает художник. В творчестве Раждена в равной степени представлены как портреты, так и натюрморты, но основную часть его работ составляют пейзажи. По словам Р. Ткабладзе, его увлечение пейзажами обусловлено тем, что он очень любит природу: «Когда выезжаю за город – это для меня как посещение храма. От природы исходят теплота и чистота, которые наполняют душу светом». Он активно пишет картины, занимается самообразованием, много читает, ходит на выставки, а еще – смотрит работы грузинских художников, выставленных на Сухом мосту.

По словам Натальи Богдановой, когда она познакомилась с Ражденом, он снова взял в руки кисть и тщательно работал над созданием ее портрета. «Он очень старался, и не так бросается в глаза, что это его ранняя работа. В пейзажах уже можно заметить разницу между ранними картинами и написанными недавно. Когда я впервые увидела его работы, то была поражена, что человек, который нигде не учился этой профессии, может рисовать на таком высоком уровне. Не могла поверить, что он самоучка». Супруга стала активно поддерживать и всячески поощрять его увлечение живописью, потому что увидела в нем талантливого художника. Хотя рисование Раж-

дену давалось нелегко – давали о себе знать старые спортивные травмы. Ткабладзе – бывший каратист, у него выбито три позвонка, поэтому после больших нагрузок (а ему приходилось заниматься и тяжелым физическим трудом, чтобы прокормить семью) его беспокоили сильные боли, и он был вынужден пить болеутоляющие лекарства. «В Уреки у него были ученики по каратэ, буквально весь городок ходил к нему заниматься. На соревнованиях Ражден даже победил профессионала, тренера, обладателя черного пояса. Все, за что он берется, доводит до совершенства», – рассказывает Наталья.

Несколько картин художника написаны маслом, но, главным

«Натюрморт с цветами и фруктами»

образом, он пишет акварелью. А не так давно художник сделал для себя открытие: стал писать нестандартным методом – акварелью на холсте. По словам Н. Богдановой, они решили узнать, рисует ли кто-нибудь в подобной манере? Как оказалось, за рубежом есть такие мастера, но в Грузии о подобном способе мало кто слышал.

В свое время среди выставленных на экспозиции картин мое внимание сразу привлек «Портрет жены художника», написанный очень светлыми красками. Действительно, рассматривая его, трудно представить, что автор не имеет академического образования. «Букет сирени в китайской вазе» является одной из ярких работ Раждена, равно, как и «Натюрморт с цветами и фруктами», а также «Натюрморт с яблоками, сливами и виноградом». На картине «Духовность и дружба» изображен маленький мальчик с собакой на фоне осеннего сельского пейзажа. Особой нежностью

отличается полотно с изображением пруда с лебедями. Лес, реки, озера, водопады, скалистые горы, утопающие в зелени города, деревенские пейзажи, растения – преобладают в работах художника. Кроме того, в творчестве Р. Ткабладзе достаточно большое место занимают памятники культурного наследия Грузии: собор Святой Троицы в Тбилиси, крепость Ананури, Нарикала и Старый город. Среди полотен Раждена есть картина с изображением здания очень необычной архитектурной формы и двумя высокими куполами, направленными в небо. С первого взгляда ясно, что это строение автор видел в одной из далеких стран Востока, так как таких культовых сооружений в Грузии нет. Я спросила Наталью, где ее супруг нарисовал картину? Оказалось, это курдский храм в Иране – Ражден Ткабладзе получил заказ на написание данной картины.

Подобно многим коллегам, художник периодически вы-

ставляет и продает свои работы на улице. Творческий человек талантлив во всем, и несколько лет назад Ражден смастерил для своего велосипеда приспособление, похожее на мини-прицеп – деревянный стел, на котором с обеих сторон прикреплены картины. С помощью такой «галереи на колесах» он и вывозил свои работы. К сожалению, не так давно велосипед у него украли.

Наталья Богданова считает, что цены, за которые ее супруг уступает свои картины покупателям, гораздо ниже их реальной стоимости, но он вынужден так поступать, чтобы обеспечить семью дополнительным доходом. «Я мечтаю о том, чтобы он встал на ноги и продавал свои картины не на улице, а в достойных художественных салонах, где по достоинству оценят его талант, потому что Ражден действительно этого заслуживает», – сказала жена художника.

СПОРТИВНАЯ ДИНАСТИЯ

РЕПОРТАЖ ИЗ БАКУРИАНИ

Нодар Кумариташвили

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Специалистам и поклонникам спорта хорошо известна фамилия Кумариташвили. Несколько ее представителей – уроженцев высокогорного курорта и горнолыжного центра Бакуриани, начиная с 1960-х годов, добились немалых успехов в санном спорте. А имя 21-летнего перспективного саночника Нодара Кумариташвили, трагически погибшего во время тренировочного заезда на трассе в Уистлере в феврале 2010 года в день открытия зимних Олимпийских игр в Ванкувере, известно всему миру.

С отцом Нодара, известным саночником и тренером Давидом Кумариташвили, и другими представителями этой спортивной династии я не раз общался по телефону, а недавно, во время пребывания в Бакуриани, удалось поговорить воочию – и с Давидом, и с его родственниками – спортсменами, тренерами и исследователями спорта.

Один из них – 23-летний грузинский саночник Саба Кумариташвили. Он принял участие в Зимних Олимпийских Играх в Пекине, до этого успешно выступив

на международных лицензионных турнирах.

Прадед Сабы, Алеко Кумариташвили, был одним из основателей санного спорта в Грузии, а дед, Феликс Кумариташвили, титулованный саночник Грузии и СССР в 1970-1980 годах, с начала 1990-х годов до самой кончины в 2020 году работал тренером: в течение шести лет был главным тренером сборной Франции, затем – наставником сборной Грузии. Отец Сабы, Владимир, был успешным саночником в 1980-х – начале 1990-х годов, в последние годы он является президентом Федерации санного спорта Грузии и одновременно продолжает тренерскую деятельность.

При содействии исследователя зимних видов спорта Тамилы Кумариташвили (дочери Алеко и сестры Феликса), я встретился с Сабой в Бакуриани и попросил его ответить на несколько вопросов.

– Вы с детства увлекались хоккеем. А как оказались в санном спорте?

– В Бакуриани я с пяти лет играл в хоккей с шайбой. Моим тренером был известный хоккеист Гоча Джейранашвили, ныне вице-президент Федерации хоккея Грузии.

Также любил играть в футбол, и когда в 2008 году вместе с родителями жил в Испании в Хихоне, то играл в местной детской футбольной команде «Спортинг», был защитником. В последующие годы тоже играл в футбол и сейчас играю, когда есть свободное от санного спорта и учебы время. В 2010 году, уже после гибели Нодара в Канаде, в память о нем я стал заниматься санным спортом. Мне было 10 лет. Моим первым тренером стал дедушка – Феликс. Из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры санного спорта в Грузии я тренировался в основном в Латвии – на трассе в Сигулде, и в других странах Европы.

– Что для вас значила Олимпиада в Пекине?

– Выступление на Олимпиаде-2022 было очень важным для моего спортивного развития, для получения опыта в условиях сильнейшей конкуренции.

– Кто сейчас вас тренирует?

– У меня несколько тренеров. Титулованный спортсмен и тренер Давид Кумариташвили, отец Нодара, мой отец Владимир Кумариташвили, а также Леван Гурешидзе и Георгий Киладзе. Я признателен всем тренерам за

Саба Кумариташвили

тот огромный труд, который они вкладывают в мое развитие.

– Собираетесь ли стать тренером после завершения карьеры?

– Да, однозначно. Я закончил Грузинский технический университет, а летом нынешнего года поступил в Грузинский университет спорта, на тренерский факультет. После Олимпиады-2026 года намерен заняться тренерской работой в Грузии, готовить детей. А сейчас моя главная задача – успешно подготовиться к международным турнирам, удачно выступить на лицензионных соревнованиях и получить право выступить на Олимпиаде-2026 в Милане и Кортина д'Ампеццо.

Президент Федерации санного спорта Грузии Владимир Кумариташвили вместе с юными саночниками находился на тренировочных сборах за пределами страны. Мы пообщались по интернету. «Моя мечта и задача, – сказал Владимир Феликсович, – добиться создания современной стандартной санной трассы в Бакуриани для того, чтобы как можно больше детей смогли бы заниматься санным спортом. Желающих много, но тренировки мы проводим в основном за рубежом, а это связано с немалыми расходами, и позволить себе такую роскошь могут всего несколько десятков детей и юношей». Он выразил надежду, что «в ближайшие годы в Бакуриани будет создана санная трасса, и

беседе Давид подчеркнул, что возлагает большие надежды на Сабу. «Саба – талантливый и трудолюбивый парень, он имеет все возможности для того, чтобы еще много раз успешно выступить на международных соревнованиях и получить лицензию на Олимпиаду 2026 года».

С Давидом мы беседовали в Музее Нодара Кумариташвили, открытого в 2016 году.

«К нам в Бакуриани из разных стран приходили письма саночников, тренеров, детей, ветеранов спорта, – рассказывает Давид, – нам присылали журналы, майки, книги, посвященные Нодару. Мы их хранили дома, в специальной комнате, но экспонатов стало так много, что они не помещались.

Давид Кумариташвили и Тенгиз Пачкория

это даст возможность развивать в Грузии санный спорт, имеющий богатую историю».

Один из тренеров Сабы, Давид Кумариташвили, был многократным чемпионом Грузии, неоднократным призером и победителем чемпионатов и Спартакиад СССР, всесоюзных и международных турниров. В 1980-х годах он три года выступал за сборную СССР вместе с уроженцем Бакуриани Темуром Гагловым. С 1987 года по сегодняшний день Давид работает тренером в Бакуриани, он привлек в санный спорт несколько сот детей. В нашей

Поэтому было решено создать Музей памяти Нодара». За минувшие годы (за исключением периода пандемии) музей посетили более десяти тысяч граждан разных стран – спортсмены, тренеры, представители международных спортивных, общественных и других организаций и ведомств, поклонники спорта, туристы.

Мир помнит о талантливом и мужественном спортсмене. Нодар Кумариташвили навсегда остался в наших сердцах и памяти, а его имя вписано в историю мирового спорта особыми буквами.

Нино Чичуа-Бедия

БЕДИ. ВЕРШИТЕЛИ И ЖЕРТВЫ СУДЬБЫ

■ Елен ДОРИС

Академик, член РОИПА, доктор исторических наук, президент Ассоциации «Центр изучения культурно-исторического наследия «Колхидская Роза», продолжает свой рассказ о «мартвильских тайнах».

21 июля 1935 года Лаврентий Берия выступил перед партийным активом Грузии с докладом «К истории большевистских организаций Закавказья». Чтение продолжалось пять часов. Текст занял два полных номера республиканской газеты «Заря Востока» за 24 и 25 июля, а вскоре был издан отдельной брошюрой. Если верить тексту, то единственной серьезной фигурой в коммунистическом движении в Закавказье был Сталин – Берия хорошо знал, что вождь

*Беди – судьба (груз.)

недоволен поведением своих грузинских соратников Буда Мдивани и Филиппа Махарадзе, пытавшихся, по его мнению, преуменьшить роль молодого Сталина и преувеличить свою.

Книга Берия расставила все точки на і. Вклад в создание сталинского культа не мог быть не оценен по достоинству. Началось восхождение Берия к самым вершинам власти.

Никакой книги сам он, конечно, не писал. Это был результат коллективного труда. Основную работу проделал заведующий отделом агитации и пропаганды Закавказского крайкома партии Эрнест Бедия. Всего в создании доклада участвовали более 20 человек, в том числе, ректор Тифлисского университета, руководитель тифлисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина Малакия Торошелидзе, а редактировали ее Всеволод Меркулов и Борис Людвигов, входившие в ближайшее окружение Берия.

Впоследствии всех участников постигла трагическая судьба – они были репрессированы. Первой жертвой репрессий стал Бедия.

Эрнест (Ермолай, Эрик) Бедия, дворянин по происхождению, родился в 1901 году в селе Сергиеи Мартвильского района. (Кстати, в 1916 году здесь появился на свет будущий Герой Советского Союза Владимир Канкава, а в 1921 году – будущая Народная артистка Грузии Медея Чахава).

В партию его принимал лично Берия. «Очень симпатичный и талантливый человек, – вспоминал сын Берия Серго. – Я помню его открытое и веселое лицо, он часто бывал в нашем доме, беседовал с отцом».

В разные годы Эрик работал наркомом просвещения, редактором газеты «Коммунист».

Его верной и любящей женой стала княжна Нина Чичуа.

В 1937 году их обоих арестовали. Эрика Бедия обвинили в том, что он руководил антисоветской организацией и лично принимал участие в подготовке покушения на Берия. 12 июля 1937 года Бедия приговорили к расстрелу с конфискацией имущества, 12 ноября расстре-

Эрик Бедия

ляли. Расстрельный список, в котором значится его фамилия, подписали Сталин, Молотов и Жданов.

Отвечая на вопрос: «Кто знал в Москве, что в Тбилиси есть какой-то Эрик Бедия, которого непременно надо расстрелять?», Серго Берия ска-

зал: «Особая агентура могла доложить в столицу о неофициальных, идущих вразрез с политикой партии высказываниях Бедия. Такой «улики» тогда вполне хватало для приговора. Должен заметить: беда нашей интеллигенции состояла – и состоит! – в том, что она много рассуждает и мало действует».

Нина Чичуа держалась на допросах с исключительным бесстрашием. Она осыпала Берия проклятиями (он присутствовал на некоторых допросах), кричала, что он присвоил авторство написанной ее мужем книги. Нину избивали нещадно, но она продолжала повторять, обращаясь к Берия: «Запомни, тебя повесят, как собаку!» Решением «тройки» ее расстреляли.

«Из протокола допроса Берия Лаврентия Павловича. 1953 года, августа 7 дня, генеральный прокурор СССР действительный государственный советник юстиции Руденко допросил обвиняемого.

– Эрика Бедия вы знаете?

– Знаю. Он работал в Закавказском крайкоме партии заведующим отделом агитации и пропаганды.

– Бедия был арестован по

вашему распоряжению?

– Никогда.

– Вам известно было, за что арестован Бедия?

– Не помню, за что был арестован Бедия.

– Признаете, что арестовали Бедия из мести, за то, что он стал говорить о том, что является автором присвоенного вами труда?

– Не признаю. Арестован Бедия МГБ Грузии. Указаний я об аресте не давал, но о деле Бедия докладывали мне, наверное, докладывал Гоглидзе.

– Из дела Бедия усматривается, что он был обвинен в подготовке совершения террористического акта над вами?

– Впервые слышу.

– Почему дело Бедия не было направлено в суд, и на каком основании оно было направлено для рассмотрения во внесудебном порядке на тройку?

– Первый раз слышу».

И снова о Мартвили... Представьте себе, дом в Сергиевце, в котором родился и вырос Эрнест Бедия, сохранился. Мой свекор приобрел его в 1939 году и перевез в Мартвили.

Дом стоит и по сей день.

**Сердечно поздравляем Елен Дорис с юбилеем!
Желаем здоровья, процветания и да продлится
наша дружба еще много-много лет!**

ПУТЕШЕСТВОВАТЬ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Фото: Шалва СУРАМЕЛАШВИЛИ

Он путешествует с маленькой тележкой на колесах и рюкзаком за плечами. Сарсенбаю Котырашову – 73. И он задумал кругосветное путешествие. В начале августа начал свой путь в Казахстане и в конце последнего месяца лета был уже в Тбилиси, где нам и удалось с ним побеседовать.

Казахстан-Стамбул – это первая часть его кругосветного путешествия, запланированная на этот год. Сейчас Сарсенбай вернулся в Казахстан – зимой идти тяжело, да и отпуск закончился. Пенсионер до сих пор работает кузнецом-реставратором архитектурных памятников на железобетонном заводе. Вот как он говорит о своем маршруте: «Дальше я продолжу путь весной следующего года. Из Стамбула пойду в Болгарию, Сербию, Венгрию, Австрию, Германию, Францию. Оттуда на самолете – в Соединенные Штаты Америки, там пройду не-

сколько штатов пешком. На самолете полечу в Китай, пешком пройду Северный Китай, Монголию, Алтайский край и дойду до Восточного Казахстана».

На самом деле это не первое его пешее путешествие. В прошлом году за шесть месяцев Сарсенбай обошел 17 областей Казахстана, что в общей сложности составило 8 тысяч километров. Можно сказать, проверил свои силы. На родине ночевал в степи, в других странах не рискует, говорит, смеясь, что в Казахстане звери все знакомые, потому не страшно. Удивительно, но Сарсенбай никогда не занимался никаким видом спорта, его даже рассмешил этот вопрос, и он ответил: «В молодости мне спортом заниматься некогда было. С девяти лет я на производстве работал и до сих пор работаю. В школе учился и параллельно работал. Так надо было».

Три года назад Сарсенбай

потерял жену. У него есть дочь, внук и двое правнуков, которые им гордятся и всячески поддерживают, ведь аксакал известен всему Казахстану, его упорство и интерес к путешествиям восхищают многих. О трудностях казахстанец говорить отказался, лишь упомянул, что тяжело было во время песчаной бури, которая накрыла его на пути из Астрахани к Дагестану: «Чем больше трудностей встретишь на пути, тем интереснее и тем больше ценишь все вокруг. Идти пешком – это и есть настоящее путешествие в моем понимании, когда идешь и здороваешься с людьми, знакомишься, общаешься. У меня появляется много друзей, и столько стран я вижу! Я хочу узнать их историю, культуру, обычаи. Это имеет для меня большое значение».

Сарсенбай идет, по старинке сверяясь с обычной бумажной картой – путеводителем. Ежедневно проходит до сорока километров, огорчается, если получается меньше, и сетует на погодные условия.

Грузия встретила его приветливо: «В Грузии мне понравилась погода, воздух свежий, люди добрые и общительные. Уважаю людей, которые настолько приветливы. Иной раз идешь – повстречается чело-

век, приглашает к себе в дом, угощает национальной едой. Очень теплые люди. Спасибо всему грузинскому народу за гостеприимство!»

Этому человеку интересна не дорога сама по себе. Ему на самом деле важны люди – он машет прохожим рукой и с улыбкой здоровается. Ему интересны культура и история. Например, в Тбилиси он зашел лишь за тем, чтобы встретиться с сотрудником посольства Казахстана в Грузии и посетить

государственный исторический музей. А это все-таки крюк в несколько километров. Кстати, Сарсенбай категорически отказывается от помощи и никогда не соглашается, чтобы его подвезли. Восклицает: «Эдак я бы за неделю доехал! Автостопом! Но мне важно пройти этот путь именно пешком».

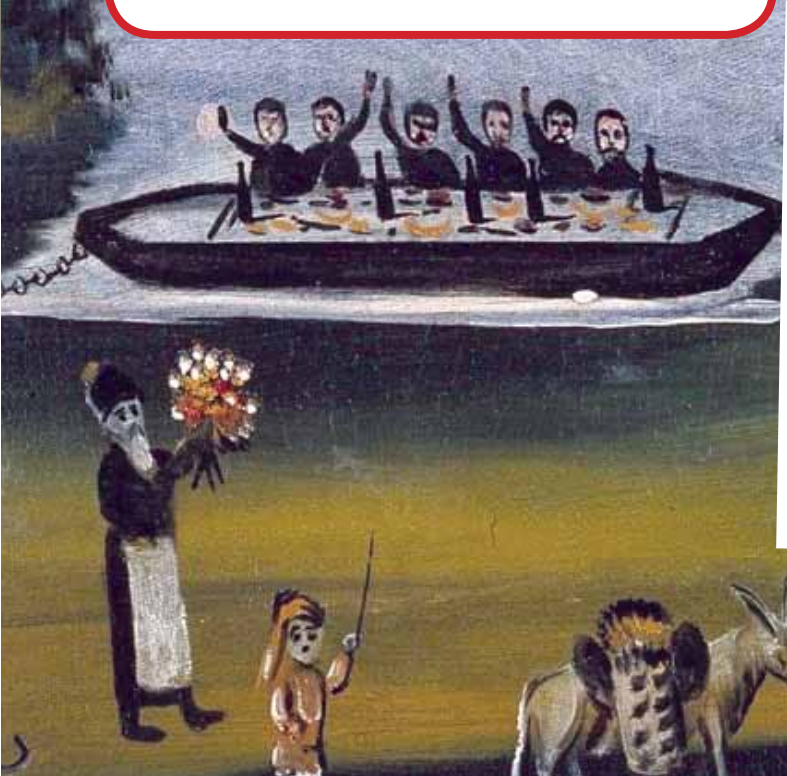
У акакала в тележке только самое необходимое, в том числе и спальный мешок. Насчет здоровья не беспокоится, говорит, люди помогают и поддерживают.

От них и черпает силы. Сарсенбай путешествует исключительно на собственные средства. Глядя на этого невысокого пожилого человека, с натруженными руками и лицом, покрытым морщинами, не перестаешь восхищаться его силой, целеустремленностью, открытостью и невероятной жаждой жизни и познания.

«Путешествовать никогда не поздно!» – так Сарсенбай Котырашов обозначил девиз своего пути.

В МУЗЕЕ ФОНДА БЕЙЛЕРА В РИЭНЕ (ШВЕЙЦАРИЯ) ПРОХОДИТ ВЫСТАВКА РАБОТ НИКО ПИРОСМАНИ.

ТБИЛИСОБА - 2023
Фото Елены ГАЛАШЕВСКОЙ